

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Хольгер Датчанин

Есть в Дании старинный замок – Кронборг; лежит он на самом берегу Зунда, и мимо него ежедневно проходят сотни кораблей: и английские, и русские, и прусские. Все они приветствуют старый замок пушечными выстрелами: бум! Из замка тоже отвечают: бум! Это пушки говорят: «Здравия желаем!» – «Спасибо!» Зимой корабли не ходят, море замерзает вплоть до самого шведского берега, и устанавливается настоящая дорога. По ней развеваются датские и шведские флаги, и шведы с датчанами тоже говорят друг другу: «Здравия желаем!» и «Спасибо!», но уже не пушечными выстрелами, а просто, дружески пожимая друг другу руки, и одни посылают на берег к другим за булками и кренделями, ведь чужая еда всегда слаще! Но лучше всего здесь все-таки старинный Кронборг. В его глубоком, мрачном подземелье, куда никто не заглядывает, сидит Гольгер-Данске. Он весь закован в железо и сталь и подпирает голову могучими руками. Длинная борода его крепко приросла к мраморной доске стола. Он спит и видит во сне все, что делается в Дании. Каждый сочельник является к нему ангел Господен и говорит, что все виденное им во сне – правда и что он еще может пока спать спокойно: Дании не угрожает никакая серьезная опасность. А

настань эта грозная минута – старый Гольгер-Данске воспрянет, так что мраморная доска стола треснет, когда он потянет свою бороду. Он выйдет на волю и так ударит мечом, что гром раздастся по всему свету.

Так рассказывал старый дед своему маленькому внуку, и мальчик знал, что все это правда, ведь рассказывал сам дедушка. Старик же, рассказывая, вырезывал из дерева большую фигуру самого Гольгера-Данске. Старый дед занимался вырезыванием фигур для украшения кораблей соответственно их названиям. Теперь вот он вырезал Гольгера-Данске: герой с длинною седою бородой стоял так прямо и гордо, держа в одной руке меч, а другою опираясь на датский герб. Много еще рассказал старый дед о других замечательных мужах и женах Дании, и под конец внуку стало казаться, будто и он знает теперь не меньше самого Гольгера-Данске, который видел все это только во сне. Головка мальчика была переполнена всеми этими рассказами, и, улегшись в постель, он крепко прижал свой подбородок к подушке, вообразив, что это у него борода, которая крепко приросла к постели.

А старый дед все еще сидел за своею работой, вырезывая последнюю часть фигуры – датский герб. Наконец работа была кончена, он взглянул на нее и стал припоминать все, что когда-то читал, слышал и сейчас сам рассказывал внуку; потом тряхнул головой, снял и протер очки, опять надел их и промолвил:

– Да, в мое время Гольгер-Данске, пожалуй, и не придет, но мальчуган, может быть, увидит его и будет биться с ним рядом, когда дело дойдет до серьезного!

Тут дедушка опять кивнул головой, не сводя глаз с фигуры: чем больше он смотрел на своего Гольгера-Данске, тем яснее видел, что работа ему очень удалась. Ему стало даже казаться, что фигура вдруг покрылась красками, броня заблестела, сердца на датском гербе стали больше и заалели, а львы с золотыми коронами на головах запрыгали.

– Да, у нас, датчан, лучший герб в мире! – сказал старик. – Львы – эмблема силы, а сердца – кротости и любви!

Он взглянул на крайнего льва, и ему вспомнился Кнуд Великий, который приковал к датскому трону великую Англию; взглянул на другого – вспомнился Вальдемар, который вновь собрал Данию и покорил вендов; взглянул на третьего – вспомнилась Маргарита, объединившая Данию, Швецию и Норвегию. И алые сердца на гербе вдруг стали еще ярче, каждое обратилось под конец в движущееся пламя, и мысль старика последовала за каждым.

Первое пламя привело его в узкую мрачную темницу, где сидела прекрасная пленница – дочь Кристиана Четвертого, Элеонора Ульфельдт (Любимая дочь короля Кристиана IV; была замужем за одним из первых сановников государства – Корфицем Ульфельдтом. В царствование брата Элеоноры, Фредерика III, Корфиц был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни, но успел бежать за границу. За это пришлось поплатиться его невинной жене; ее заключили в темницу, где она и провела 22 года, пока не умерла ненавидевшая ее невестка, супруга короля София-Амалия. – Примеч. перев.); пламя расцвело на ее груди розой и слилось с сердцем этой лучшей, благороднейшей дочери.

– Да, это сердце из датского герба! – проговорил старик.

И его мысли понеслись за пламенем второго сердца. Оно привело его к морю. Пушки палили, корабли исчезали в облаках дыма, и пламя обвилось, как орденом лентой, грудь адмирала Витфельда, который ради спасения датского флота взорвал себя и свой корабль.

Третье пламя привело его к жалким хижинам Гренландии. Там проповедовал любовь и словом и делом миссионер Ганс Эгед; пламя превратилось в звезду на его груди, в которой билось еще одно сердце из датского герба.

И мысли старика забежали вперед четвертого пламени – он знал, куда оно приведет. В жалкой хижине бедной крестьянки стоял

Фредерик Шестой и чертил мелом на балке свое имя; пламя заколебалось на его груди, слилось с его сердцем. В крестьянской хижине его сердце стало одним из сердец датского герба. И старый дед отер глаза: он лично знал этого доброго короля Фредерика, с серебристыми седыми волосами и честными голубыми глазами, и служил ему. Старик скрестил руки и задумался, молча глядя перед собою. Тут подошла к нему невестка и сказала, что уже поздно – пора ему отдохнуть, да и ужин на столе.

– Но что за прелесть у тебя вышла, дедушка! – сказала она. – Гольгер-Данске и весь наш герб! Право, я как будто где-то видела это лицо!

– Нет, ты-то не видела! – ответил старый дед. – А вот я видел – по памяти и вырезал его. Это было, когда англичане стояли у нас на рейде, второго апреля 1801 г., и когда мы все опять почувствовали себя прежними молодцами датчанами! Я был на «Дании», в эскадре Стена Билля, и рядом со мною стоял матрос. Право, ядра словно боялись его! Он весело распевал старинные песни, без устали заряжал орудия и стрелял. Нет, что там ни говори – это был не простой смертный! Я еще вижу перед собою его лицо, но откуда он был, куда девался потом – никто не знал. Мне часто приходило в голову, что это был сам старик Гольгер-Данске, который приплыл к нам из Кронборга и помог в час опасности. Вот я и вырезал его изображение.

Фигура бросала огромную тень на стены и даже на потолок; казалось, что за нею стоял живой Гольгер-Данске. Тень шевелилась, но это могло быть и оттого, что свеча горела не совсем ровно. Невестка поцеловала старика и повела его к большому креслу; старик сел за стол, сели и невестка с мужем – сыном старика и отцом мальчугана, который был уже в постели. Дед и за ужином говорил о датских львах и сердцах, о силе и кротости, объясняя, что есть и другая сила, кроме той, что опирается на меч. При этом он указал на полку, где лежали старые книги, между прочим все комедии Хольберга (Хольберг (1685–1754) – гениальный датский писатель, «отец датской

литературы». – Примеч. перев.). Как видно, ими тут зачитывались, ведь они такие забавные, а выведенные в них лица и типы давней старины кажутся живыми и до сих пор.

– Вот он тоже умел наносить удары! – сказал дедушка. – Он старался обрубить все уродливости и угловатости людские. – Затем старик кивнул на зеркало, за которое был заткнут календарь, и сказал: – Тихо Браге (Знаменитый датский астроном (1546–1601). – Примеч. перев.) тоже владел мечом, но он употреблял его не для того, чтобы проливать кровь, а чтобы проложить верную дорогу между звездами небесными!.. А Торвальдсен, сын такого же простого резчика, как я, Торвальдсен, которого мы видели сами, седой, широкоплечий старец, чье имя известно всему свету! Вот он владел резцом, умел рубить, а я только строгаю! Да, Гольгер-Данске является в различных видах, и слава Дании гремит по всему свету! Выпьем же за здоровье Бертеля! (Имя Торвальдсена, славного датского скульптора (1770–1844). – Примеч. перев.)

А мальчуган в это время так ясно видел во сне старинный Кронборг, подземелье и самого Гольгера-Данске, сидящего с приросшею к столу бородою. Он спит и видит во сне все, что совершается в Дании, видит и то, что делается в бедной комнатке резчика, слышит все, что там говорится, и кивает во сне головой:

– Да, только помните обо мне, датчане! Только помните обо мне! Я явлюсь в час опасности!

А над Кронборгом сияет ясный день; ветер доносит с соседней земли звуки охотничьих рогов; мимо плывут корабли и здороваются: бум! бум! И из Кронборга отвечают: бум! бум! Но Гольгер-Данске не просыпается, как громко ни палят пушки: это ведь только «Здравия желаем!» и «Спасибо!» Не такая должна пойти пальба, чтобы разбудить его, но тогда уж он пробудится непременно – Гольгер-Данске еще силен!

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Пастушка и трубочист

Среди всей мебели в доме самым значительным был старинный-старинный шкаф, наверное перед тем как стать прабабушкиным наследством, он служил самому королю. Столько красивейших роз, тюльпанов, листков и прочих узоров было вырезано на его почерневшем дереве. И шкафом гордилась вся семья, поэтому стоял он на почетном месте в гостиной. На самой середине шкафа был вырезан во весь рост человечек. На него нельзя было глядеть без смеха, да и сам он ухмылялся от уха до уха – улыбкой такую гримасу никак не назовешь. У человечка были козлиные ноги, маленькие рожки на лбу и длинная борода.

Дети звали его обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног, потому что выговорить такое имя трудно и дается

такой титул не многим. Зато и вырезать такую фигуру не легко, а её все-таки вырезали. Человечек все время смотрел на подзеркальный столик, где стояла хорошенькая фарфоровая пастушка. Он давно уже был в неё безнадежно влюблен. Позолоченные башмаки, юбочка, грациозно подколотая пунцовой розой, позолоченная шляпа на головке и пастуший посох в руке – ну разве не красота!

Рядом с нею стоял маленький трубочист, черный, как уголь, но тоже из фарфора и такой же чистенький и милый, как и все иные прочие. Он ведь только изображал трубочиста, и мастер точно так же мог бы сделать его принцем – из этого же шкафа! Трубочист стоял грациозно, с лестницей в руках, и лицо у него было бело-розовое, словно у девочки, и это было немножко неправильно, он мог бы быть и почумазей. Стоял он совсем рядом с пастушкой, так их поставили, так они и стояли. А раз так, они взяли да и обручились. Парочка вышла хоть куда: оба молоды, оба из одного и того же фарфора и оба одинаково хрупкие.

Тут же стояла еще одна кукла, втрое больше их ростом, – старый китаец, умевший кивать головой. Он был тоже фарфоровый и называл себя дедушкой маленькой пастушки, вот только доказательств у него не хватало. Он утверждал, что она должна его слушаться, и потому кивал головою обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

– Хороший у тебя будет муж! – сказал старый китаец. – Похоже, даже из красного дерева. С ним ты будешь обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержантшей. У него целый шкаф серебра, не говоря уж о том, что лежит в потайных ящиках.

– Не хочу в темный шкаф! – отвечала пастушка. – Говорят, у него там одиннадцать фарфоровых жен!

– Ну, так будешь двенадцатой! – сказал китаец. – Ночью, как только старый шкаф закричит, сыграем вашу свадьбу, иначе не

быть мне китайцем!

Тут он кивнул головой и заснул.

А пастушка расплакалась и, глядя на своего милого фарфорового трубочиста, сказала:

– Прошу тебя, убежим со мной, куда глаза глядят. Тут нам нельзя оставаться.

– Ради тебя я готов на все! – отвечал трубочист. – Уйдем сейчас же! Уж, наверное, я сумею прокормить тебя своим ремеслом.

– Только бы спуститься со столика! – сказала она. – Я не вздохну свободно, пока мы не будем далеко-далеко!

Трубочист успокаивал ее и показывал, куда ей лучше ступать своей фарфоровой ножкой, на какой выступ или золоченую завитушку. Его лестница также сослужила им добрую службу, и, в конце концов, они благополучно спустились на пол. Но, взглянув на старый шкаф, они увидели там страшный переполох. Резные олени вытянули вперед головы, выставили рога и вертели ими во все стороны, а обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног высоко подпрыгнул и крикнул старому китайцу:

– Они убегают! Убегают!

Пастушка и трубочист испугались и шмыгнули в подоконный ящик. Тут лежали разрозненные колоды карт, был кое-как установлен кукольный театр. На сцене шло представление.

Все дамы – бубновые и червонные, трефовые и пиковые – сидели в первом ряду и обмахивались тюльпанами, а за ними стояли валеты и старались показать, что и они о двух головах, как все фигуры в картах. В пьесе изображались страдания влюбленной парочки, которую разлучали, и пастушка заплакала: это так напомнило ее собственную судьбу.

– Сил моих больше нет! – сказала она трубочисту. – Уйдем

отсюда!

Но когда они очутились на полу и взглянули на свой столик, они увидели, что старый китаец проснулся и раскачивается всем телом – ведь внутри него перекачивался свинцовый шарик.

– А, старый китаец гонится за нами! – вскрикнула пастушка и в отчаянии упала на свои фарфоровые колени.

– Стой! Придумал! – сказал трубочист. – Видишь вон там, в углу, большую вазу с сушеными душистыми травами и цветами? Спрячемся в нее! Ляжем там на розы и лаванды, и если китаец доберется до нас, засыплем ему глаза солью.

– Ничего из этого не выйдет! – сказала пастушка. – Я знаю, китаец и ваза были когда-то помолвлены, и от старой дружбы всегда что-нибудь да остается. Нет, нам одна дорога – пуститься по белу свету!

– А у тебя хватит на это духу? – спросил трубочист. – Ты подумала о том, как велик свет? О том, что нам уж никогда не вернуться назад?

– Ну у нас нет другого выхода! – отвечала она.

Трубочист пристально посмотрел на нее и сказал:

– Мой путь ведет через дымовую трубу! Хватит ли у тебя мужества залезть со мной в печку, а потом в дымовую трубу? Там-то уж я знаю, что делать! Мы поднимемся так высоко, что до нас и не доберутся. Там, на самом верху, есть дыра, через нее можно выбраться на белый свет! И он повел ее к печке.

– Как тут темно! – сказала она, но все-таки полезла за ним и в печку, и в дымоход, где было темно хоть глаз выколи.

– Ну, вот мы и в трубе! – сказал трубочист. – Смотри, смотри! Прямо над нами сияет чудесная звездочка!

На небе и в самом деле сияла звезда, словно указывая им путь.

А они лезли, карабкались ужасной дорогой все выше и выше. Но трубочист поддерживал пастушку и подсказывал, куда ей удобнее ставить свои фарфоровые ножки. Наконец они добрались до самого верха и присели отдохнуть на край трубы, потому что очень устали.

Нам ними было усеянное звездами небо, а под ними все крыши города, а кругом на все стороны, и вширь и вдаль, распахнулся вольный мир. Бедная пастушка никак не думала, что свет так велик. Она склонилась головкой к плечу трубочиста и от страха заплакала, заплакала так сильно, что слезы смыли всю позолоту с ее пояса.

– Это для меня слишком! – сказала пастушка. – Этого мне не вынести! Свет слишком велик! А, как мне хочется обратно на подзеркальный столик! Не будет у меня ни минуты спокойной, пока я туда не вернусь! Я ведь пошла за тобой на край света, а теперь ты проводи меня обратно домой, если любишь меня!

Трубочист напомнил о старом китайце и обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанте Козлоноге, но она только рыдала безутешно да целовала своего трубочиста. Делать нечего, пришлось уступить ей, хоть это и было неразумно.

И вот они спустились обратно вниз по трубе. Нелегко это было! Оказавшись опять в темной печи, они сначала постояли у дверцы, прислушиваясь к тому, что делается в комнате. Все было тихо, и они выглянули из печи. Старый китаец валялся на полу: погнавшись за ними, он свалился со столика и разбился на три части. Спина отлетела начисто, голова закатилась в угол. Обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант стоял, как всегда, на своем месте и раздумывал.

– Какой ужас! – воскликнула пастушка. – Старый дедушка разбился, и виною этому мы! Ах, я этого не переживу!

И она заломила свои крошечные ручки.

– Его еще можно починить! – сказал трубочист. – Его отлично

можно починить! Только не волнуйся! Ему приклеят спину, а в затылок вгонят хорошую заклепку, и он опять будет совсем как новый и сможет наговорить нам кучу неприятных вещей!

– Ты думаешь? – сказала пастушка.

И они снова вскарабкались на свой столик.

– Далеко же мы с тобою ушли! – сказал трубочист. – Не стоило и трудов!

– Только бы дедушку починили! – сказала пастушка. – Или это очень дорого обойдется?

Дедушку починили: приклеили ему спину и вогнали в затылок хорошую заклепку. Он стал как новый, только головой кивать перестал.

– Вы что-то загордились с тех пор, как разбились! – сказал ему обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног. – Только с чего бы это? Ну, так как, отдадите за меня внучку?

Трубочист и пастушка с мольбой взглянули на старого китайца: они так боялись, что он кивнет. Но кивать он уже больше не мог, а объяснять посторонним, что у тебя в затылке заклепка, тоже радости мало. Так и осталась фарфоровая парочка неразлучна. Пастушка и трубочист благословляли дедушкину заклепку и любили друг друга, пока не разбились.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Прыгуны

Блоха, кузнечик и гусек-скакунок вздумали раз посмотреть, кто из них выше прыгнет, и пригласили прийти полюбоваться на такое диво весь свет – всех, кто захочет. И вот три изрядных прыгуна сошлись вместе в одной комнате.

– Я выдам свою дочку за того, кто прыгнет выше всех! – сказал король. – Обидно было бы таким молодцам прыгать задаром!

Сначала вышла блоха. Она держалась в высшей степени мило и раскланялась на все стороны: в жилах ее текла голубая кровь, и она вообще привыкла иметь дело только с людьми, а ведь это что-нибудь да значит!

Потом вышел кузнечик. Он был, конечно, потяжелее весом, но тоже очень приличен на вид и одет в зеленый мундир – он и родился в мундире. Кузнечик говорил, что происходит из очень древнего рода, из Египта, а потому в большой чести в здешних местах; его взяли прямо с поля и посадили в трехэтажный карточный домик, который был сделан из одних фигурных карт, обращенных лицом вовнутрь. А окна и двери в нем были прорезаны в туловище червонной дамы.

– Я пою, – сказал кузнечик, – да так, что шестнадцать здешних сверчков, которые трещат с самого рожденья и все-таки не удостоились карточного домика, послушали меня да и похудели с

досады!

Таким образом, и блоха и кузнечик полагали, что достаточно зарекомендовали себя в качестве приличной партии для принцессы.

Гусек-скакунок не сказал ничего, но о нем шел слух, что зато он много думает. Придворный пес, как только обнюхал его, сказал, что он из очень хорошего семейства. А старый придворный советник, который получил три ордена за умение молчать, уверял, что гусек-скакунок наделен пророческим даром: по его спине можно узнать, мягкая или суровая будет зима, а этого нельзя узнать даже по спине самого составителя календарей.

– Я пока ничего не скажу! – сказал старый король. – Но у меня есть свои соображения!

Теперь оставалось прыгать.

Блоха прыгнула, да так высоко, что никто и не уследил, и потому все стали говорить, что она вовсе и не прыгала. Только это было нечестно.

Кузнечик прыгнул вдвое ниже и угодил королю прямо в лицо, и тот сказал, что это очень скверно.

Гусек-скакунок долго стоял и думал, и в конце концов все решили, что он вовсе не умеет прыгать.

– Только бы ему не сделалось дурно! – сказал придворный пес и снова принялся обнюхивать его.

Прыг! И гусек-скакунок маленьким прыжком наискосок очутился прямо на коленях у принцессы, которая сидела на низенькой золотой скамейке.

И тогда король сказал:

– Выше всего – допрыгнуть до моей дочери, вот в чем суть. Но

чтобы додуматься до этого, нужна голова, и гусек-скакунок доказал, что она у него есть. И притом с мозгами!

И принцесса досталась гуську-скакунку.

– А все-таки я прыгнула выше всех! – сказала блоха. – Но все равно, пусть остается при своем дурацком гуське с палочкой и смолой! Я прыгнула выше всех, но на этом свете надо иметь фигуру, только тогда тебя заметят!

И блоха поступила добровольцем в чужеземное войско и, говорят, нашла там свою смерть.

Кузнечик возвратился в канаву и стал думать о том, как устроен свет. Он тоже сказал:

– Фигуру, фигуру надо иметь!

И он затянул песенку о своей печальной доле. Из его песни мы и взяли эту историю. Впрочем, она, наверно, выдумана, хоть и напечатана.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

**Сказки Ханса Кристиана
Андерсена. Красные башмачки**

Жила-была девочка, премиленькая, прехорошенькая, но очень бедная, и летом ей приходилось ходить босиком, а зимою – в грубых деревянных башмаках, которые ужасно натирали ей ноги.

В деревне жила старушка башмачница. Вот она взяла да и сшила, как умела, из обрезков красного сукна пару башмачков. Башмаки вышли очень неуклюжие, но сшиты были с добрым намерением, – башмачница подарила их бедной девочке. Девочку звали Карен.

Она получила и обновила красные башмаки как раз в день похорон своей матери. Нельзя сказать, чтобы они годились для траура, но других у девочки не было; она надела их прямо на голые ноги и пошла за убогим соломенным гробом.

В это время по деревне проезжала большая старинная карета и в ней – важная старая барыня. Она увидела девочку, пожалела и сказала священнику:

– Послушайте, отдайте мне девочку, я позабочусь о ней.

Карен подумала, что все это вышло благодаря ее красным башмакам, но старая барыня нашла их ужасными и велела сжечь. Карен приодели и стали учить читать и шить. Все люди говорили, что она очень мила, зеркало же твердило: «Ты больше чем мила, ты прелестна».

В это время по стране путешествовала королева со своей маленькой дочерью, принцессой. Народ сбежался ко дворцу; была тут и Карен. Принцесса, в белом платье, стояла у окошка, чтобы дать людям посмотреть на себя. У нее не было ни шлейфа, ни короны, зато на ножках красовались чудесные красные сафьяновые башмачки; нельзя было и сравнить их с теми, что сшила для Карен башмачница. На свете не могло быть ничего лучшего этих красных башмачков!

Карен подросла, и пора было ей подтвердиться; ей сшили новое платье и собирались купить новые башмаки. Лучший городской башмачник снял мерку с ее маленькой ножки. Карен со старой госпожой сидели у него в мастерской; тут же стоял большой шкаф со стеклами, за которыми красовались прелестные башмачки и лакированные сапожки. Можно было залюбоваться на них, но старая госпожа не получила никакого удовольствия: она очень плохо видела. Между башмаками стояла и пара красных, они были точь-в-точь как те, что красовались на ножках принцессы. Ах, что за прелесть! Башмачник сказал, что они были заказаны для графской дочки, да не пришлись по ноге.

– Это ведь лакированная кожа? – спросила старая барыня. – Они блестят!

– Да, блестят! – ответила Карен.

Башмачки были примерены, оказались впору, и их купили. Но старая госпожа не знала, что они красные, – она бы никогда не позволила Карен идти подтвердиться в красных башмаках, а Карен как раз так и сделала.

Все люди в церкви смотрели на ее ноги, когда она проходила на свое место. Ей же казалось, что и старые портреты умерших пасторов и пасторш в длинных черных одеяниях и плоеных круглых воротничках тоже уставились на ее красные башмачки. Сама она только о них и думала, даже в то время, когда священник возложил ей на голову руки и стал говорить о святом крещении, о союзе с богом и о том, что она становится теперь взрослой

христианкой. Торжественные звуки церковного органа и мелодичное пение чистых детских голосов наполняли церковь, старый регент подтягивал детям, но Карен думала только о своих красных башмаках.

После обедни старая госпожа узнала от других людей, что башмаки были красные, объяснила Карен, как это неприлично, и велела ей ходить в церковь всегда в черных башмаках, хотя бы и в старых.

В следующее воскресенье надо было идти к причастию. Карен взглянула на красные башмаки, взглянула на черные, опять на красные и – надела их.

Погода была чудная, солнечная; Карен со старой госпожой прошли по тропинке через поле; было немного пыльно.

У церковных дверей стоял, опираясь на костыль, старый солдат с длинною, странною бородой: она была скорее рыжая, чем седая. Он поклонился им чуть не до земли и попросил старую барыню позволить ему смахнуть пыль с ее башмаков. Карен тоже протянула ему свою маленькую ножку.

– Ишь, какие славные бальные башмачки! – сказал солдат. – Сидите крепко, когда запляшете!

И он хлопнул рукой по подошвам.

Старая барыня дала солдату скиллинг и вошла вместе с Карен в церковь.

Все люди в церкви опять глядели на ее красные башмаки, все портреты – тоже. Карен преклонила колена перед алтарем, и золотая чаша приблизилась к ее устам, а она думала только о своих красных башмаках, – они словно плавали перед ней в самой чаше.

Карен забыла пропеть псалом, забыла прочесть «Отче наш».

Народ стал выходить из церкви; старая госпожа села в карету,

Карен тоже поставила ногу на подножку, как вдруг возле нее очутился старый солдат и сказал:

– Ишь, какие славные бальные башмачки! Карен не удержалась и сделала несколько па, и тут ноги ее пошли плясать сами собою, точно башмаки имели какую-то волшебную силу. Карен неслась все дальше и дальше, обогнула церковь и все не могла остановиться. Кучеру пришлось бежать за нею вдогонку, взять ее на руки и посадить в карету. Карен села, а ноги ее все продолжали приплясывать, так что доброй старой госпоже досталось немало пинков. Пришлось наконец снять башмаки, и ноги успокоились.

Приехали домой; Карен поставила башмаки в шкаф, но не могла не любоваться на них.

Старая госпожа захворала, и сказали, что она не проживет долго. За ней надо было ухаживать, а кого же это дело касалось ближе, чем Карен. Но в городе давался большой бал, и Карен пригласили. Она посмотрела на старую госпожу, которой все равно было не жить, посмотрела на красные башмаки – разве это грех? – потом надела их – и это ведь не беда, а потом... отправилась на бал и пошла танцевать.

Но вот она хочет повернуть вправо – ноги несут ее влево, хочет сделать круг по зале – ноги несут ее вон из залы, вниз по лестнице, на улицу и за город. Так доплясала она вплоть до темного леса.

Что-то засветилось между верхушками деревьев. Карен подумала, что это месяц, так как виднелось что-то похожее на лицо, но это было лицо старого солдата с рыжею бородой. Он кивнул ей и сказал:

– Ишь, какие славные бальные башмачки!

Она испугалась, хотела сбросить с себя башмаки, но они сидели крепко; она только изорвала в клочья чулки; башмаки точно приросли к ногам, и ей пришлось плясать, плясать по полям и лугам, в дождь и в солнечную погоду, и ночью и днем. Ужаснее

всего было ночью!

Танцевала она танцевала и очутилась на кладбище; но все мертвые спокойно спали в своих могилах. У мертвых найдется дело получше, чем пляска. Она хотела присесть на одной бедной могиле, поросшей дикою рябинкой, но не тут-то было! Ни отдыха, ни покоя! Она все плясала и плясала... Вот в открытых дверях церкви она увидела ангела в длинном белом одеянии; за плечами у него были большие, спускавшиеся до самой земли крылья. Лицо ангела было строго и серьезно, в руке он держал широкий блестящий меч.

– Ты будешь плясать, – сказал он, – плясать в своих красных башмаках, пока не побледнеешь, не похолодеешь, не высохнешь, как мумия! Ты будешь плясать от ворот до ворот и стучаться в двери тех домов, где живут гордые, тщеславные дети; твой стук будет пугать их! Будешь плясать, плясать!..

– Смилуйся! – вскричала Карен.

Но она уже не слышала ответа ангела – башмаки повлекли ее в калитку, за ограду кладбища, в поле, по дорогам и тропинкам. И она плясала и не могла остановиться.

Раз утром она пронеслась в пляске мимо знакомой двери; оттуда с пением псалмов выносили гроб, украшенный цветами. Тут она узнала, что старая госпожа умерла, и ей показалось, что теперь она оставлена всеми, проклята, ангелом господним.

И она все плясала, плясала, даже темною ночью. Башмаки несли ее по камням, сквозь лесную чащу и терновые кусты, колючки которых царапали ее до крови. Так доплясала она до маленького уединенного домика, стоявшего в открытом поле. Она знала, что здесь живет палач, постучала пальцем в оконное стекло и сказала:

– Выйди ко мне! Сама я не могу войти к тебе, я пляшу!

И палач отвечал:

– Ты, верно, не знаешь, кто я? Я рублю головы дурным людям, и топор мой, как вижу, дрожит!

– Не руби мне головы! – сказала Карен. – Тогда я не успею покаяться в своем грехе. Отруби мне лучше ноги с красными башмаками.

И она исповедала весь свой грех. Палач отрубил ей ноги с красными башмаками, – пляшущие ножки понеслись по полю и скрылись в чаще леса.

Потом палач приделал ей вместо ног деревяшки, дал костыли и выучил ее псалму, который всегда поют грешники. Карен поцеловала руку, державшую топор, и побрела по полю.

– Ну, довольно я настрадалась из-за красных башмаков! – сказала она. – Пойду теперь в церковь, пусть люди увидят меня!

И она быстро направилась к церковным дверям: вдруг перед нею заплясали ее ноги в красных башмаках, она испугалась и повернула прочь.

Целую неделю тосковала и плакала Карен горькими слезами; но вот настало воскресенье, и она сказала:

– Ну, довольно я страдала и мучилась! Право же, я не хуже многих из тех, что сидят и важничают в церкви!

И она смело пошла туда, но дошла только до калитки, – тут перед нею опять заплясали красные башмаки. Она опять испугалась, повернула обратно и от всего сердца покаялась в своем грехе.

Потом она пошла в дом священника и попросилась в услужение, обещая быть прилежной и делать все, что сможет, без всякого жалованья, из-за куска хлеба и приюта у добрых людей. Жена священника сжалилась над ней и взяла ее к себе в дом. Карен работала не покладая рук, но была тиха и задумчива. С каким вниманием слушала она по вечерам священника, читавшего вслух Библию! Дети очень полюбили ее, но когда девочки болтали при

ней о нарядах и говорили, что хотели бы быть на месте королевы, Карен печально качала головой.

В следующее воскресенье все собрались идти в церковь; ее спросили, не пойдет ли она с ними, но она только со слезами посмотрела на свои костыли. Все отправились слушать слово божье, а она ушла в свою каморку. Там умещались только кровать да стул; она села и стала читать псалтырь. Вдруг ветер донес до нее звуки церковного органа. Она подняла от книги свое залитое слезами лицо и воскликнула:

– Помоги мне, господи!

И вдруг ее всю осияло, как солнцем, – перед ней очутился ангел господень в белом одеянии, тот самый, которого она видела в ту страшную ночь у церковных дверей. Но теперь в руках он держал не острый меч, а чудесную зеленую ветвь, усеянную розами. Он коснулся ею потолка, и потолок поднялся высоко-высоко, а на том месте, до которого дотронулся ангел, заблестала золотая звезда. Затем ангел коснулся стен – они раздались, и Карен увидела церковный орган, старые портреты пасторов и пасторш и весь народ; все сидели на своих скамьях и пели псалмы. Что это, преобразилась ли в церковь узкая каморка бедной девушки, или сама девушка каким-то чудом перенеслась в церковь?.. Карен сидела на своем стуле рядом с домашними священника, и когда те окончили псалом и увидали ее, то ласково кивнули ей, говоря:

– Ты хорошо сделала, что тоже пришла сюда, Карен!

– По милости божьей! – отвечала она.

Торжественные звуки органа сливались с нежными детскими голосами хора. Лучи ясного солнышка струились в окно прямо на Карен. Сердце ее так переполнилось всем этим светом, миром и радостью, что разорвалось. Душа ее полетела вместе с лучами солнца к богу, и там никто не спросил ее о красных башмаках.

 Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Волшебный холм

Юркие ящерицы так и шмыгали по растрескавшейся коре старого дерева. Они прекрасно понимали друг дружку – ведь разговор-то они вели по-ящеричьи.

– Нет, вы только послушайте, как гремит, как бурлит внутри волшебного холма, – сказала одна ящерица, – из-за их возни я уже две ночи глаз не смыкаю. Лучше бы у меня зубы болели, все равно нет покоя.

– Что-то они там внутри затевают! – сказала вторая ящерица. – На ночь они поднимают холм на четыре огненных столба, и он стоит так до самых петухов – видно, хотят его проветрить получше. А лесные девы разучивают новые танцы с притоптыванием. Что-то они там затевают.

– Интересно, что это за гости? – заволновались ящерицы. – И что там затевается? Послушайте только, как бурлит, как гремит!

В этот самый момент волшебный холм раздался, и оттуда, быстро перебирая ножками, вышла старая лесная дева. Спины у нее, правда, не было, но в остальном она выглядела вполне прилично. Она была дальней родственницей лесного царя, служила у него

экономкой и носила на лбу янтарное сердце. Ноги ее так и мелькали – раз-два, раз-два! Ишь, как засемила, и напрямик в болото, где жил козодой.

– Вас приглашают к лесному царю, праздник состоится сегодня ночью, – сказала она. – Но сначала мы хотели бы просить вас об одной услуге. Не согласитесь ли вы разнести приглашения? Ведь вы у себя приемов не устраиваете, не мешало бы другим помочь! Мы ждем к себе знатных иностранцев, троллей, если вам это что-нибудь говорит. И старый лесной царь не хочет ударить лицом в грязь.

– Кого приглашать? – спросил козодой.

– Ну, на большой бал мы зовем всех подряд, даже людей, если только они умеют разговаривать во сне или еще хоть чем-нибудь занимаются по нашей части. Но на ужин решено приглашать с большим выбором, только самую знать. Сколько я спорила с лесным царем! По-моему, привидения и то звать не стоит. Прежде всего надо пригласить морского царя с дочками. Они, правда, не очень любят бывать на суше, но мы посадим их на мокрые камни, а может, и еще что получше придумаем. Авось на этот раз они не откажутся. Затем нужно пригласить всех старых троллей высшего разряда, из тех, что с хвостами. Потом – водяного и домовых, а кроме того, я считаю, что нельзя обойти кладбищенскую свинью, трехногую лошадь без головы и гнома-церквушника. Правда, они относятся к нечистой силе другого рода и вроде бы состоят при церкви, но в конце концов это только их работа, а мы ведь все-таки в близком родстве, и они часто нас навещают.

– Хорошо! – сказал козодой и полетел созывать гостей.

А лесные девы уже кружились на волшебном холме.

Они разучивали танец с покрывалами, с длинными покрывалами, сотканными из тумана и лунного сияния. И те, кому такое по вкусу, нашли бы их танец очень красивым. Внутри холма все было вычищено и вылизано. Пол в огромной зале вымыли лунным светом, а стены протерли ведьминым салом, так что они сверкали, точно

тюльпаны на солнце. Кухня ломилась от припасов, жарили на вертелах лягушек, начиняли детскими пальчиками колбасу из ужей, готовили салаты из поганок, моченых мышинных мордочек и цикуты. Пиво привезли от болотницы, из ее пивоварни, а игристое вино из селитры доставили прямо из кладбищенских склепов. Все готовили по лучшим рецептам, а на десерт собирались подать ржавые гвозди и битые церковные стекла.

Старый лесной царь велел почистить свою корону толченым грифелем, да не простым, а тем, которым писал первый ученик. Раздобыть такой грифель для лесного царя задача нелегкая! В спальне вешали занавеси и приклеивали их змеиной слюной. Словом, дым стоял коромыслом.

– Ну, теперь еще покурить конским волосом и свиной щетиной, и я считаю – мое дело сделано! – сказала старая лесная дева.

– Папочка! Милый! – приставала к лесному царю младшая дочь. – Ну, скажи, кто же все-таки эти знатные иностранцы?

– Ну что ж! – ответил царь. – Пожалуй, можно и сказать. Две мои дочери сегодня станут невестами. Двум из вас придется сегодня уехать в чужие края. Сегодня к нам приедет старый норвежский тролль, тот, что живет в Доврских горах. Сколько каменных замков у него понастроено на диких утесах! А сколько у него золотых копей – куда больше, чем думают. С ним едут два его сына, они должны присмотреть себе жен. Старый тролль – настоящий честный норвежец, прямой и веселый. Мы с ним давно знакомы, пили когда-то на брудершафт. Он приезжал сюда за женой, теперь ее уже нет в живых. Она была дочерью короля меловых утесов с острова Ме. И, как говорится, игра велась на мелок. Ох, и соскучился же я по старику троллю! Правда, про сыновей идет слух, будто они воспитаны неважно и большие задиры. Но, может, на них просто наговаривают. А женятся, так и образумятся. Надеюсь, вы сумеете прибрать их к рукам.

– Когда же они приедут? – спросила одна из дочерей.

– Все зависит от погоды и от ветра, – ответил лесной царь. –

Не привыкли они экономить, плывут на корабле! Я советовал им ехать сушей через Швецию, но старый тролль до сих пор и смотреть не желает в ту сторону. Отстает он от жизни, вот что мне не нравится.

Вдруг вприпрыжку прибежали два болотных огонька, один старался обогнать другого и поэтому прибежал первым.

– Едут! Едут! – кричали они.

– Дайте-ка я надену корону, – распорядился лесной царь, – да встану там, где луна поярче светит.

Дочки подобрали свои длинные покрывала и присели чуть не до земли. Перед ними стоял Доврский тролль в короне из крепких сосулук и полированных еловых шишек. Он был закутан в медвежью шубу, а ноги его утопали в теплых сапогах. Сыновья же щеголяли без подтяжек и с голой грудью – они мнили себя богатырями.

– И это холм? – спросил младший и ткнул пальцем в волшебный холм. – У нас в Норвегии это называется ямой.

– Дети! – сказал старик. – Яма уходит вниз, Холм уходит вверх. У вас что, глаз нет?

Молодчики заявили, что удивляет их тут только одно – как это они сразу, без подготовки, понимают здешний язык.

– Не представляйтесь, – сказал старик. – Еще подумают, что вы совсем неученые.

Все вошли в волшебный холм. Там уже собралось изысканное общество, да так быстро, будто гостей ветром сюда принесло. В зале все было устроено так, что каждый из приглашенных чувствовал себя как дома. Водяные и русалки сидели в больших кадках с водой и говорили, что им очень уютно. Все вели себя за столом как положено, только молодые норвежские тролли сразу задрали ноги на стол – ведь, по их мнению, все, что они делали, было очень мило.

– А ну, убрать ноги из тарелок! – прикрикнул Доврский тролль, и братья послушались, хотя и не сразу.

Настал черед лесных дев показать, как они танцуют, и они исполнили и простые танцы, и танцы с притоптыванием, это у них ловко получалось! Потом пошел настоящий балет, тут полагалось «забываться в вихре пляски». Ух ты, как они начали вскидывать ноги! У всех в глазах зарябило: не поймешь, где руки, где ноги, где одна сестра, где другая, то колесом пройдутся, то волчком закружатся, так что в конце концов трехногий безголовый лошади стало дурно, и ей пришлось выйти из-за стола.

– Н-да, – сказал старый тролль, – лихо у них получается! Ну, а что они еще умеют делать, кроме как плясать, задирать ноги да крутиться волчком?

– Сейчас увидишь, – сказал лесной царь и вызвал младшую. Это была самая красивая из сестер, нежная и прозрачная, как лунный свет. Она положила в рот белую щепочку и стала невидимой, вот что она умела делать!

Однако Доврский тролль сказал, что не хотел бы иметь жену, умеющую проделывать такие фокусы, да и сыновьям его это вряд ли придется по вкусу.

Вторая сестра умела ходить сама с собою рядом, будто была собственной тенью, а ведь у троллей тени нет.

У третьей были совсем иные наклонности – она обучалась варить пиво у самой болотницы. Это она так искусно нашпиговала ольховые коряги светляками!

– Будет хорошей хозяйкой! – сказал старик тролль и подмигнул ей, но пива пить не стал, он не хотел пить слишком много.

Вышла вперед четвертая лесная дева, в руках у нее была большая золотая арфа. Она ударила по струнам раз, и гости подняли левую ногу, ведь все тролли – левши. Ударила второй, и все

готовы были делать, что она прикажет.

– Какая опасная женщина! – сказал старик тролль, но сыновья его повернулись и пошли вон из холма: им все это уже надоело.

– А что умеет следующая? – спросил старый тролль.

– Я научилась любить все норвежское, – сказала пятая дочь. – И выйду замуж только за норвежца, я мечтаю попасть в Норвегию.

Но младшая сестра шепнула троллю на ухо:

– Просто она узнала из одной норвежской песни, что норвежские скалы выстоят, даже когда придет конец света. Вот она и хочет забраться на них – ужасно боится погибнуть.

– Хо-хо! – сказал старый тролль. – Ну и ладно! А где же седьмая и последняя?

– Сначала шестая, – сказал лесной царь, он-то умел считать. Но шестая ни за что не хотела показаться.

– Я только и умею, что говорить правду в глаза, – твердила она, – а этого никто не любит. Лучше уж я буду шить себе саван.

Дошла очередь и до седьмой, последней дочери. Что же умела она? О, эта умела рассказывать сказки, да к тому же сколько душе угодно.

– Вот мои пять пальцев, – сказал Доврский тролль, – расскажи мне сказку о каждом.

Лесная дева взяла его за руку и начала рассказывать, а он покатылся со смеху. Когда же она дошла до безымянного пальца, который носил золотое кольцо на талии, будто знал, что не миновать помолвки, старый тролль заявил:

– Держи мою руку крепче. Она твоя. Я сам беру тебя в жены.

Но лесная дева ответила, что она еще не рассказала про

безымянный палец и про мизинец.

И правда, где же мальчики? Они носились по полю и тушили болотные огоньки, которые чинно выстроились в ряд и приготовились к факельному шествию.

– Хватит лоботрясничать! Я нашел для вас мать! А вы можете жениться на своих тетках.

Но сыновья ответили, что им больше хочется произносить речи и пить на брудершафт, а жениться у них нет охоты. И они говорили речи, пили на брудершафт и опрокидывали стаканы вверх дном, хотели показать, что выпито все до капли. Потом они стащили с себя одежду и улеглись спать прямо на столе – стеснительностью они не отличались. А старый тролль отплясывал со своей молодой невестой и даже обменялся с ней башмаками, ведь это гораздо интереснее, чем меняться кольцами.

– Петух кричит, – сказала старая лесная дева, которая была за хозяйку. – Пора закрывать ставни, а то мы тут сгорим от солнца.

И холм закрылся.

А по растрескавшемуся старому дереву вверх и вниз сновали ящерицы, и одна сказала другой:

– Ах, мне так понравился старый норвежский тролль!

– А мне больше понравились сыновья, – сказал дождевой червяк, но ведь он был совсем слепой, бедняга.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Бузинная матушка

Один маленький мальчик раз простудился. Где он промочил ноги, никто не мог взять в толк – погода стояла совсем сухая. Мать раздела его, уложила в постель и велела принести чайник, чтобы заварить бузинного чаю – отличное потогонное! В эту минуту в комнату вошел славный, веселый старичок, живший в верхнем этаже того же дома. Был он совсем одинок, не было у него ни жены, ни детей, а он так любил ребятишек, умел рассказывать им такие чудесные сказки и истории, что просто чудо.

– Ну вот, попьешь чайку, а там, поди, и сказку услышишь! – сказала мать.

– Эх, кабы знать какую-нибудь новенькую! – отвечал старичок, ласково кивая головой. – Только где же это наш мальчуган промочил себе ноги?

– То-то и оно – где? – сказала мать. – Никто в толк не возьмет.

– А сказка будет? – спросил мальчик.

– Сначала мне нужно знать, глубока ли водосточная канава в переулке, где ваше училище. Можешь ты мне это сказать?

– Как раз до середины голенища! – отвечал мальчик. – Да и то в

самом глубоком месте.

– Так вот где мы промочили ноги! – сказал старичок. – Теперь и надо бы рассказать тебе сказку, да ни одной новой не знаю!

– Да вы можете сочинить ее прямо сейчас! – сказал мальчик. – Мама говорит, вы на что ни взглянете, до чего ни дотронетесь, из всего у вас выходит сказка или история.

– Верно, только такие сказки и истории никуда не годятся. Настоящие, те приходят сами. Придут и постучатся мне в лоб: «А вот и я!»

– А скоро какая-нибудь постучится? – спросил мальчик.

Мать засмеялась, засыпала в чайник бузинного чая и заварила.

– Ну расскажите! Расскажите!

– Да вот кабы пришла сама! Но они важные, приходят только, когда им самим вздумается!.. Стой! – сказал вдруг старичок. – Вот она! Посмотри, в чайнике!

Мальчик посмотрел. Крышка чайника начала приподыматься все выше, все выше, вот из-под нее выглянули свежие беленькие цветочки бузины, а потом выросли и длинные зеленые ветви. Они раскидывались на все стороны даже из носика чайника, и скоро перед мальчиком был целый куст; ветви тянулись к самой постели, раздвигали занавески. Как чудесно цвела и благоухала бузина! А из зелени ее выглядывало ласковое лицо старушки, одетой в какое-то удивительное платье, зеленое, словно листья бузины, и все усеянное белыми цветочками. Сразу даже не разобрать было, платье это или просто зелень и живые цветки бузины.

– Что это за старушка? – спросил мальчик.

– Древние римляне и греки звали ее Дриадой! – сказал старичок.

– Ну, а для нас это слишком мудреное имя, и в Новой слободке ей дали прозвище получше: Бузинная матушка. Смотри же на нее

хорошенько да слушай, что я буду рассказывать...

...Точно такой же большой, обсыпанный цветами куст рос в углу двора в Новой слободке. Под кустом сидели в послеобеденный час и грелись на солнышке двое старичков – старый-старый бывший матрос и его старая-старая жена. У них были и внуки, и правнуки, и они скоро должны были отпраздновать свою золотую свадьбу, да только не помнили хорошенько дня и числа. Из зелени глядела на них Бузинная матушка, такая же славная и приветливая, как вот эта, и говорила: «Уж я-то знаю день вашей золотой свадьбы!» Но старички были заняты разговором – вспоминали о былом – и не слышали ее.

– А помнишь, – сказал бывший матрос, – как мы бегали и играли с тобой детьми! Вот тут, на этом самом дворе, мы сажали садик. Помнишь, втыкали в землю прутики и веточки?

– Как же! – подхватила старушка. – Помню, помню! Мы не ленились поливать эти веточки, одна из них была бузинная, пустила корни, ростки и вот как разрослась! Мы, старички, теперь можем сидеть в ее тени!

– Верно! – продолжал муж. – А вон в том углу стоял чан с водой. Там мы спускали в воду мой кораблик, который я сам вырезал из дерева. Как он плавал! А скоро мне пришлось пуститься и в настоящее плавание!..

– Да, только до того мы еще ходили в школу и кое-чему научились! – перебила старушка. – А потом выросли и, помнишь, однажды пошли осматривать Круглую башню, забрались на самый верх и любовались оттуда городом и морем? А потом отправились во Фредериксберг и смотрели, как катаются по каналам в великолепной лодке король с королевой.

– Только мне-то пришлось плавать по-другому, долгие годы вдали от родины!

– Сколько слез я пролила по тебе! Мне уж думалось, ты погиб и лежишь на дне морском! Сколько раз вставала я по ночам

посмотреть, вертится ли флюгер. Флюгер-то вертелся, а ты все не являлся! Как сейчас помню, однажды, в самый ливень, к нам во двор приехал мусорщик. Я жила там в прислугах и вышла с мусорным ящиком да и остановилась в дверях. Погода-то была ужасная! И тут приходит почтальон и подает мне письмо от тебя. Пришлось же этому письму погулять по свету! Я схватила его и сразу же читать! Я и смеялась, и плакала зараз... Я была так рада! В письме говорилось, что ты теперь в теплых краях, где растет кофе! То-то, должно быть, благословенная страна! Ты много еще о чем рассказывал, и я видела все это как наяву. Дождь так и поливал, а я все стояла в дверях с мусорным ящиком. Вдруг кто-то обнял меня за талию...

– Верно, и ты закатила такую оплеуху, что только звон пошел!

– Откуда мне было знать, что это ты! Ты догнал свое письмо. А красивый ты был... Ты и теперь такой. Из кармана у тебя выглядывал желтый шелковый платок, на голове клеенчатая шляпа. Такой щеголь!.. Но что за погода стояла, на что была похожа наша улица!

– И вот мы поженились, – продолжал бывший матрос. – Помнишь? А там пошли у нас детки: первый мальчуган, потом Мари, потом Нильс, потом Петер, потом Ганс Христиан!

– Да, и все они выросли и стали славными людьми, все их любят.

– А теперь уж и у их детей есть дети! – сказал старичок. – Это наши правнуки, и какие же они крепыши! Сдается мне, наша свадьба была как раз в эту пору.

– Как раз сегодня! – сказала Бузинная матушка и просунула голову между старичками, но те подумали, что это кивает им головой соседка.

Они сидели рука в руке и любовно смотрели друг на друга. Немного погодя пришли к ним дети и внучата. Они-то отлично знали, что сегодня день золотой свадьбы стариков, и уже поздравляли их утром, да только старички успели позабыть об

этом, хотя хорошо помнили все, что случилось много, много лет назад. Бузина так и благоухала, солнышко, садясь, светило на прощание старичкам прямо в лицо, раздумывая их щеки. Младший из внуков плясал вокруг дедушки с бабушкой и радостно кричал, что сегодня вечером у них будет настоящий пир: за ужином подадут горячий картофель! Бузинная матушка кивала головой и кричала «ура!» вместе со всеми.

– Да ведь это вовсе не сказка! – возразил мальчуган, внимательно слушавший старичка.

– Это ты так говоришь, – отвечал старичок, – а вот спроси-ка Бузинную матушку!

– Это не сказка! – отвечала Бузинная матушка. – Но сейчас начнется и сказка. Из действительности-то и вырастают самые чудесные сказки. Иначе мой прекрасный куст не вырос бы из чайника.

С этими словами она взяла мальчика на руки, ветви бузины, осыпанные цветами, вдруг сдвинулись вокруг них, и мальчик со старушкой оказались словно в укрытой листвою беседке, которая поплыла с ними по воздуху. Это было чудо как хорошо! Бузинная матушка превратилась в маленькую прелестную девочку, но платье на ней осталось все то же – зеленое, усеянное беленькими цветочками. На груди у девочки красовался живой бузинный цветок, на светло-русых кудрях – целый веночек из таких же цветов. Глаза у нее были большие, голубые. Ах, какая была она хорошенькая, просто загляденье! Мальчик и девочка поцеловались, и оба стали одного возраста, одних мыслей и чувств.

Рука об руку вышли они из беседки и очутились в цветочном саду перед домом. На зеленой лужайке стояла привязанная к колышку трость отца. Для детей и трость была живая. Стоило сесть на нее верхом, и блестящий набалдашник стал великолепной лошадиной головой с длинной развевающейся гривой. Затем выросли четыре стройные крепкие ноги, и горячий конь помчал

детей кругом по лужайке.

– Теперь мы поскачем далеко-далеко! – сказал мальчик. – В барскую усадьбу, где мы были в прошлом году!

Дети скакали кругом по лужайке, и девочка – мы ведь знаем, что это была Бузинная матушка, – приговаривала:

– Ну, вот мы и за городом! Видишь крестьянский дом? Огромная хлебная печь, словно гигантское яйцо, выпячивается из стены прямо на дорогу. Над домом раскинул свои ветви бузинный куст. Вон бродит по двору петух, роется в земле, выскивает корм для кур. Гляди, как важно он выступает! А вот мы и на высоком холме у церкви, она стоит среди высоких дубов, один из них наполовину засох... А вот мы у кузницы! Гляди, как ярко пылает огонь, как работают молотами полубоженные люди! Искры так и разлетаются во все стороны! Но нам надо дальше, дальше, в барскую усадьбу!

И все, что ни называла девочка, сидевшая верхом на трости позади мальчика, проносилось мимо. Мальчик видел все это, а между тем они только кружились по лужайке. Потом они играли на боковой тропинке, разбивали себе маленький садик. Девочка вынула из своего венка бузинный цветок и посадила в землю. Он пустил корни и ростки и скоро вырос в большой куст бузины, точь-в-точь как у старичков в Новой слободке, когда они были еще детьми. Мальчик с девочкой взяли за руки и тоже пошли гулять, но отправились не к Круглой башне и не во Фредериксбергский сад. Нет, девочка крепко обняла мальчика, поднялась с ним на воздух, и они полетели над Данией. Весна сменялась летом, лето – осенью, осень – зимой. Тысячи картин отражались в глазах мальчика и запечатлевались в его сердце, а девочка все приговаривала:

– Этого ты не забудешь никогда!

А бузина благоухала так сладко, так чудно! Мальчик вдыхал и аромат роз, и запах свежих буков, но бузина пахла всего сильнее: ведь ее цветки красовались у девочки на груди, а к

ней он так часто склонял голову.

– Как чудесно здесь весной! – сказала девочка, и они очутились в молодом буковом лесу. У ног их цвел душистый ясменник, из травы выглядывали чудесные бледно-розовые анемоны. – О, если б вечно царила весна в благоуханном датском буковом лесу!

– Как хорошо здесь летом! – сказала она, когда они проносились мимо старой барской усадьбы с древним рыцарским замком. Красные стены и зубчатые фронтоны отражались во рвах с водой, где плавали лебеди, заглядывая в старинные прохладные аллеи. Волновались, точно море, нивы, канавы пестрели красными и желтыми полевыми цветами, по изгородям вился дикий хмель и цветущий вьюнок. А вечером взошла большая и круглая луна, с лугов пахло сладким ароматом свежего сена. – Это не забудется никогда!

– Как чудно здесь осенью! – сказала девочка, и свод небесный вдруг стал вдвое выше и синее. Лес окрасился в чудеснейшие цвета – красный, желтый, зеленый.

Вырвались на волю охотничьи собаки. Целые стаи дичи с криком летали над курганами, где лежат старые камни, обросшие кустами ежевики. На темно-синем море забелели паруса. Старухи, девушки и дети обирали хмель и бросали его в большие чаны. Молодежь распевала старинные песни, а старухи рассказывали сказки про троллей и домовых.

– Лучше не может быть нигде! А как хорошо здесь зимой! – сказала девочка, и все деревья оделись инеем, ветки их превратились в белые кораллы. Захрустел под ногами снег, словно все надели новые сапоги, а с неба одна за другой посыпались падучие звезды.

В домах зажглись елки, увешанные подарками, люди радовались и веселились. В деревне, в крестьянских домах, не умолкали скрипки, летели в воздух яблочные пышки. Даже самые бедные дети говорили:

«Как все-таки чудесно зимою!»

Да, это было чудесно! Девочка показывала все мальчику, и повсюду благоухала бузина, повсюду развевался красный флаг с белым крестом, флаг, под которым плавал бывший матрос из Новой слободки. И вот мальчик стал юношей, и ему тоже пришлось отправиться в дальнее плавание в теплые края, где растет кофе. На прощание девочка дала ему цветок со своей груди, и он спрятал его в книгу. Часто вспоминал он на чужбине свою родину и раскрывал книгу – всегда на том месте, где лежал цветок! И чем больше юноша смотрел на цветок, тем свежее тот становился, тем сильнее благоухал, а юноше казалось, что он слышит аромат датских лесов. В лепестках же цветка ему виделось личико голубоглазой девочки, он словно слышал ее шепот: «Как хорошо тут и весной, и летом, и осенью, и зимой!» И сотни картин проносились в его памяти.

Так прошло много лет. Он состарился и сидел со своею старушкой женой под цветущим деревом. Они держались за руки и говорили о былом, о своей золотой свадьбе, точь-в-точь как их прадед и прабабушка из Новой слободки. Голубоглазая девочка с бузинными цветками в волосах и на груди сидела в ветвях дерева, кивала им головой и говорила: «Сегодня ваша золотая свадьба!» Потом она вынула из своего венка два цветка, поцеловала их, и они заблестели, сначала как серебро, а потом как золото. А когда девочка возложила их на головы старичков, цветы превратились в золотые короны, и муж с женой сидели точно король с королевой, под благоухающим деревом, так похожим на куст бузины. И старик рассказывал жене историю о Бузинной матушке, как сам слышал ее в детстве, и обоим казалось, что в той истории очень много похожего на историю их жизни. И как раз то, что было похоже, им и нравилось больше всего.

– Вот так! – сказала девочка, сидевшая в листве. – Кто зовет меня Бузинной матушкой, кто Дриадой, а настоящее-то мое имя Воспоминание. Я сижу на дереве, которое все растет и растет. Я все помню, обо всем могу рассказать! Покажи-ка, цел ли еще у тебя мой цветок?

И старик раскрыл книгу: бузинный цветок лежал такой свежий, точно его сейчас только вложили между листьями. Воспоминание ласково кивало старичкам, а те сидели в золотых коронах, озаренные пурпурным закатным солнцем. Глаза их закрылись, и... и... Да тут и сказке конец!

Мальчик лежал в постели и сам не знал, видел ли он все это во сне или только слышал. Чайник стоял на столе, но бузина из него не росла, а старичок собрался уходить и ушел.

– Как чудесно! – сказал мальчик. – Мама, я побывал в теплых краях!

– Верно! Верно! – сказала мать. – После двух таких чашек бузинового чая немудрено побывать в теплых краях. – И она хорошенько укутала его, чтобы он не простыл. – Ты таки славно поспал, пока мы спорили, сказка это или быть!

– А где же Бузинная матушка? – спросил мальчик.

– В чайнике! – ответила мать. – Там ей и быть.

Загрузка...

**Сказки Ханса Кристиана
Андерсена. Снежная королева**

История первая, в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнем! Когда мы доберемся до конца нашей истории, будем знать больше, чем теперь.

Так вот, жил-был тролль, злой-презлой – это был сам дьявол. Как-то раз у него было прекрасное настроение: он смастерил зеркало, обладавшее удивительным свойством. Все доброе и прекрасное, отражаясь в нем, почти исчезало, но все ничтожное и отвратительное особенно бросалось в глаза и становилось еще безобразнее. Чудесные пейзажи казались в этом зеркале вареным шпинатом, а лучшие из людей – уродами; чудилось, будто они стоят вверх ногами, без животов, а лица их так искажались, что их нельзя было узнать.

Если у кого-нибудь на лице была одна-единственная веснушка, этот человек мог быть уверен, что в зеркале она расплывется во весь нос или рот. Дьявола все это ужасно забавляло. Когда человеку в голову приходила добрая благочестивая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль хохотал, радуясь своей забавной выдумке. Все ученики тролля – а у него была своя школа – рассказывали, что свершилось чудо.

–Только теперь, – говорили они, – можно видеть мир и людей такими, какие они на самом деле.

Они повсюду носились с зеркалом, и в конце концов не осталось ни одной страны и ни одного человека, которые бы не отразились

в нем в искаженном виде. И вот они захотели добраться до неба, чтобы посмеяться над ангелами и над господом богом. Чем выше поднимались они, тем больше гримасничало и кривлялось зеркало; им трудно было удержать его: они летели все выше и выше, все ближе к богу и ангелам; но вдруг зеркало так перекоосилось и задрожало, что вырвалось у них из рук и полетело на землю, там оно разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы, несметное множество осколков наделали гораздо больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них, величиной с песчинку, разлетелись по белу свету и, случалось, попадали людям в глаза; они оставались там, а люди с той поры видели все шиворот-навыворот или замечали во всем только дурные стороны: дело в том, что каждый крошечный осколок обладал той же силой, что и зеркало. Некоторым людям осколки попали прямо в сердце, – это было ужаснее всего – сердце превращалось в кусок льда. Попадались и такие большие осколки, что их можно было вставить в оконную раму, но сквозь эти окна не стоило смотреть на своих друзей. Иные осколки были вставлены в очки, но стоило людям надеть их, чтобы хорошенько все рассмотреть и вынести справедливое суждение, как приключалась беда. А злой тролль хохотал до колик в животе, словно его щекотали. И много осколков зеркала все еще летало по свету. Послушаем же, что было дальше!

История вторая. Мальчик и девочка

В большом городе, где столько людей и домов, что не всем удастся разбить маленький садик и где поэтому очень многим приходится довольствоваться комнатными цветами, жили двое бедных детей, у которых садик был чуть побольше цветочного горшка. Они не были братом и сестрой, но любили друг друга, словно родные. Родители их жили по соседству, под самой крышей – в мансардах двух смежных домов. Кровли домов почти соприкасались, а под выступами проходил водосточный желоб, – вот как раз туда и выходили окошки обеих комнатусек. Стоило только перешагнуть желобок, и можно было сразу попасть через окошко к соседям.

У родителей под окнами было по большому деревянному ящику; в

них они разводили зелень и коренья, а еще в каждом ящике росло по небольшому кусту роз, кусты эти чудесно разрастались. Вот и додумались родители поставить ящики поперек желобка; они тянулись от одного окна к другому, словно две цветочные грядки. Усики гороха свисали с ящиков зелеными гирляндами; на розовых кустах появлялись все новые побеги: они обрамляли окна и переплетались – все это было похоже на триумфальную арку из листьев и цветов.

Ящики были очень высоки, и дети хорошо знали, что залезать на них нельзя, поэтому родители часто позволяли им ходить друг к другу в гости по желобу и сидеть на скамеечке под розами. Как весело они там играли!

Но зимой дети были лишены этого удовольствия. Окна часто совсем замерзали, но малыши нагревали на печке медные монетки и прикладывали их к замерзшим стеклам, – лед быстро оттаивал, и получалось чудесное окошко, такое круглое, круглое – в нем показывался веселый, ласковый глазок, это мальчик и девочка смотрели из своих окон. Его звали Кай, а ее – Гер да. Летом они могли одним прыжком очутиться друг у друга, а зимой приходилось сначала спуститься на много ступенек вниз, а потом подняться на столько же ступенек вверх! А на дворе бушевала метель.

–Это роятся белые пчелки, – сказала старая бабушка.

–А у них есть королева? – спросил мальчик, потому что он знал, что у настоящих пчел она есть.

–Есть, – ответила бабушка. – Королева летает там, где снежный рой всего гуще; она больше всех снежинок и никогда не лежит подолгу на земле, а снова улетает с черной тучей. Иногда в полночь она летает по улицам города и заглядывает в окна, – тогда они покрываются чудесными ледяными узорами, словно цветами.

–Мы видели, видели, – сказали дети и поверили, что все это сущая правда.

–А может Снежная королева придти к нам? – спросила девочка.

–Пусть только попробует! – сказал мальчик. – Я посажу ее на раскаленную печку, и она растает.

Но бабушка погладила его по голове и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай вернулся домой и уже почти разделся, собираясь лечь в постель, он забрался на скамеечку у окна и заглянул в круглое отверстие в том месте, где оттаял лед. За окном порхали снежинки; одна из них, самая большая, опустилась на край цветочного ящика. Снежинка росла, росла, пока, наконец, не превратилась в высокую женщину, закутанную в тончайшее белое покрывало; казалось, оно было соткано из миллионов снежных звездочек. Женщина эта, такая прекрасная и величественная, была вся изо льда, из ослепительного, сверкающего льда, – и все же живая; глаза ее сияли, как две ясные звезды, но в них не было ни тепла, ни покоя. Она склонилась к окну, кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчик испугался и спрыгнул со скамеечки, а мимо окна промелькнуло что-то, похожее на огромную птицу.

На другой день был славный мороз, но потом началась оттепель, а там пришла весна. Светило солнце, проглядывала первая зелень, ласточки вили гнезда под крышей, окна были распахнуты настежь, и дети снова сидели в своем крошечном садике у водосточного желоба высоко над землей.

Розы в то лето цвели особенно пышно; девочка выучила псалом, в котором говорилось о розах, и, напевая его, она думала о своих розах. Этот псалом она спела мальчику, и он стал ей подпевать:

Розы в долинах цветут . . . Красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Взявшись за руки, дети пели, целовали розы, смотрели на ясные солнечные блики и разговаривали с ними, – в этом сиянии им чудился сам младенец Христос. Как прекрасны были эти летние дни, как хорошо было сидеть рядом под кустами благоухающих

роз, – казалось, они никогда не перестанут цвести.

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками, – разных зверей и птиц. И вдруг–как раз на башенных часах пробило пять – Кай вскрикнул:

–Меня кольнуло прямо в сердце! А теперь что-то попало в глаз! Девочка обвила ручонками его шею. Кай мигал глазами; нет, ничего не было видно.

–Наверное, выскочило, – сказал он; но в том-то и дело, что не выскочило. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала; ведь мы, конечно, помним об этом ужасном стекле, отражаясь в котором все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное выступало еще резче, и каждый недостаток сразу бросался в глаза. Крошечный осколок попал Каю прямо в сердце. Теперь оно должно было превратиться в кусок льда. Боль прошла, но осколок остался.

–Что ты хнычешь? – спросил Кай. – Какая ты сейчас некрасивая! Ведь мне совсем не больно! . . . Фу! – закричал он вдруг. – Эту розу точит червь! Посмотри, а та совсем кривая! Какие гадкие розы! Ничуть не лучше ящиков, в которых они торчат!

И вдруг он толкнул ногой ящик и сорвал обе розы.

–Кай! Что ты делаешь? – закричала девочка.

Увидев, как она испугалась, Кай сломал еще одну ветку и убежал от милой маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли ему после того девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для младенцев; всякий раз, когда бабушка что-нибудь рассказывала, он перебивал ее и придирался к словам; а иногда на него такое находило, что он передразнивал ее походку, надевал очки и подражал ее голосу. Получалось очень похоже, и люди покатывались со смеху. Вскоре мальчик научился передразнивать всех соседей. Он так ловко выставлял на показ все их странности и недостатки, что люди

только диву давались:

–Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а потом и в сердце. Потому-то он передразнивал даже маленькую Герду, которая любила его всей душой.

И играл теперь Кай совсем по-другому – чересчур замысловато. Как-то раз зимой, когда шел снег, он пришел с большим увеличительным стеклом и подставил под падающий снег полу своего синего пальто.

–Посмотри в стекло, Герда! – сказал он. Каждая снежинка увеличилась под стеклом во много раз и походила на роскошный цветок или на десятиконечную звезду. Это было очень красиво.

–Посмотри, как искусно сделано! – сказал Кай. – Это куда интереснее, чем настоящие цветы. И какая точность! Ни одной кривой линии. Ах, если бы только они не таяли!

Немного погодя Кай пришел в больших рукавицах, с санками за спиной и крикнул Герде в самое ухо:

–Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! – и убежал.

На площади каталось много детей. Самые храбрые мальчишки привязывали свои салазки к крестьянским саням и отъезжали довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый его разгар на площади появились большие белые сани; в них сидел человек, укутанный в пушистую, белую меховую шубу, на голове у него была такая же шапка. Сани два раза объехали площадь, Кай живо привязал к ним свои маленькие салазки и покати́л. Большие сани понеслись быстрее и вскоре свернули с площади в переулок. Тот, кто сидел в них, обернулся и приветливо кивнул Каю, словно они были давно знакомы. Каждый раз, когда Кай хотел отвязать санки, седок в белой шубе кивал ему, и мальчик ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег вдруг повалил густы-

им хлопьями, так что мальчик ничего не видел на шаг впереди себя, а сани все мчались и мчались.

Мальчик попытался скинуть веревку, которую он зацепил за большие сани. Это не помогло: салазки его словно приросли к саням и все так же неслись вихрем. Кай громко закричал, но никто его не услышал. Метель бушевала, а сани все мчались, ныряя в сугробах; казалось, что они перескакивают через изгороди и канавы. Кай дрожал от страха, он хотел прочесть “Отче наш”, но в уме у него вертелась только таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и росли, наконец, они превратились в больших белых кур. Вдруг куры разлетелись во все стороны, большие сани остановились, и человек, сидевший в них, встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина – Снежная королева; и шуба, и шапка на ней были из снега.

–Славно проехались! – сказала она. – Ух, какой мороз! Ну-ка, залезай ко мне под медвежью шубу!

Она посадила мальчика рядом с собой на большие сани и закутала его в свою шубу; Кай словно провалился в снежный сугроб.

–Тебе все еще холодно? – спросила она и поцеловала его в лоб. У! Поцелуй ее был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошел до самого сердца, а оно и так уже было наполовину ледяным. На мгновение Каю показалось, что он вот-вот умрет, а потом ему стало хорошо, и он уже не чувствовал холода.

–Мои санки! Не забудь про мои санки! – спохватился мальчик. Салазки привязали на спину одной из белых куриц, и она полетела с ними вслед за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он забыл и маленькую Герду, и бабушку, всех-всех, кто остался дома.

–Больше я не буду целовать тебя, – сказала она. – А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на нее, она была так хороша! Он и представить себе не мог более умного, более прелестного лица. Теперь она не казалась ему ледяной, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему. В его глазах она была совершенством. Кай уже не чувствовал страха и рассказал ей, что умеет считать в уме и даже знает дроби, а еще знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей ... А Снежная королева только улыбалась. И Каю показалось, что он, и в самом деле, знает так мало, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. Снежная королева подхватила мальчика и взвилась с ним на черную тучу.

Буря плакала и стонала, словно распевала старинные песни. Кай и Снежная королева летели над лесами и озерами, над морями и сушей. Под ними проносились со свистом холодные ветры, выли волки, сверкал снег, а над головами с криком кружили черные вороны; но высоко вверху светил большой ясный месяц. Кай смотрел на него всю долгую-долгую зимнюю ночь, – днем он спал у ног Снежной королевы.

История третья. Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с маленькой Гердой после того, как Кай не вернулся? Куда он исчез? Никто этого не знал, никто не мог ничего рассказать о нем. Мальчики говорили только, что видели, как он привязал свои салазки к большим великолепным саням, которые потом свернули на другую улицу и умчались за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много слез было пролито: горько и долго плакала маленькая Герда. Наконец, все решили, что Кая больше нет в живых: может быть, он утонул в реке, которая протекала неподалеку от города. Ох, как тянулись эти мрачные зимние дни! Но вот пришла весна, засияло солнце.

–Кай умер, он больше не вернется, – сказала маленькая Герда.

–Я этому не верю! – возразил солнечный свет.

–Он умер, и больше не вернется! – сказала она ласточкам.

– Не верим! – ответили они, и, наконец, сама Герда перестала этому верить.

– Надену-ка я свои новые красные башмачки, – сказала она как-то утром. – Кай еще ни разу не видел их. А потом спущусь к реке и спрошу о нем.

Было еще очень рано. Девочка поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки, одна-одинешенька вышла за ворота и спустилась к реке:

– Правда, что ты взяла моего маленького дружка? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты мне его вернешь.

И девочке почудилось, будто волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки – самое дорогое, что у нее было – бросила их в реку; но она не могла забросить их далеко, и волны тут же вынесли башмачки обратно на берег – видно, река не захотела взять ее сокровище, раз у нее не было маленького Кая. Но Герда подумала, что слишком близко бросила башмачки, вот она и вскочила в лодку, лежавшую на песчаной отмели, подошла к самому краю кормы и бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от резкого толчка соскользнула в воду. Герда заметила это и решила поскорее выбраться на берег, но пока она пробиралась обратно на нос, лодка отплыла на сажень от берега и понеслась по течению. Герда очень испугалась и заплакала, но никто, кроме воробьев, не слышал ее; а воробьи не могли перенести ее на сушу, но они летели вдоль берега и щебетали, словно хотели утешить ее:

– Мы тут! Мы тут!

Поток уносил лодку все дальше, Герда сидела совсем тихо в одних чулках – красные башмачки плыли за лодкой, но они не могли ее догнать: лодка плыла гораздо быстрее.

Берега реки были очень красивы: повсюду росли вековые деревья, пестрели чудесные цветы, на склонах паслись овцы и коровы, но нигде не было видно людей.

“Может быть, река несет меня прямо к Каю?” – подумала Герда. Она повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась живописными зелеными берегами; лодка подплыла к большому вишневному саду, в котором приютился маленький домик с чудесными красными и синими окнами и с соломенной крышей. Перед домиком стояли два деревянных солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо. Герда подумала, что они живые, и окликнула их, но солдаты, конечно, не ответили ей; лодка подплыла еще ближе, – она почти вплотную подошла к берегу.

Девочка закричала еще громче, и тогда из домика, опираясь на клюку, вышла дряхлая-предряхлая старушка в широкополой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

–Ах ты, бедняжка! – сказала, старушка. – Как это ты попала на такую большую, быструю реку, да еще заплыла так далеко?

Тут старушка вошла в воду, подцепила своей клюкой лодку, подтянула ее к берегу и высадила Герду.

Девочка была рада-радешенька, что наконец выбралась на берег, хоть и немного побаивалась незнакомой старухи.

–Ну, пойдём; расскажи мне, кто ты и как сюда попала, – сказала старушка.

Герда стала рассказывать обо всем, что с ней приключилось, а старушка качала головой и говорила: “Гм! Гм!” Но вот Герда кончила и спросила ее, не видела ли она маленького Кая. Старушка ответила, что здесь он еще не проходил, но, наверное, скоро придет сюда, так что девочке нечего горевать – пусть отведаёт ее вишен да посмотрит на цветы, что растут в саду; цветы эти красивее любых книжек с картинками, и каждый цветок рассказывает свою сказку. Тут старушка взяла Герду за руку, увела ее к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна в домике были высоко от полу и все из разных стекол: красных, синих и желтых, – поэтому и вся комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояли

чудесные вишни, и старушка позволила Герде есть, сколько душе угодно. А пока девочка ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком, они блестели, словно золотые, и так чудесно вились вокруг ее нежного личика, кругленького и румяного, словно роза.

– Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! – сказала старушка. – Вот увидишь, как славно мы с тобой заживем!

И чем дольше расчесывала она Герде волосы, тем быстрее Герда забывала своего названного брата Кая: ведь эта старушка умела колдовать. Но она не была злой волшебницей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; а сейчас ей очень хотелось, чтобы маленькая Герда осталась у нее. И вот она пошла в сад, помахала своей клюкой над каждым розовым кустом, и те, как стояли в цвету, так все и ушли глубоко в землю – и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда, увидев розы, вспомнит свои собственные, а там и Кая, и убежит.

Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. Ах, как там было красиво, как благоухали цветы! Все цветы, какие только есть на свете, всех времен года пышно цвели в этом саду; никакая книжка с картинками не могла быть пестрей и прекраснее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не скрылось за высокими вишневыми деревьями. Потом ее уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, а перинки те были набиты голубыми фиалками; девочка уснула, и ей снились такие чудесные сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке в чудесном цветнике. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветок, но хоть их и было так много, ей все же казалось, что какого-то цветка недостает; только вот какого? Как-то раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами, и среди них прекраснее всех была роза. Старушка забыла стереть ее со шляпы, когда заколдовала живые розы и спрятала их под землю. Вот до чего

доводит рассеянность!

–Как! Тут нет роз? – воскликнула Герда и побежала искать их на клумбах. Искала, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Но ее горячие слезы упали как раз на то место, где был спрятан розовый куст, и как только они смочили землю, он мгновенно появился на клумбе такой же цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками и стала целовать розы; тут она вспомнила о тех чудных розах, что цвели дома, а потом и о Кае.

–Как же я замешкалась! – сказала девочка. – Ведь мне нужно искать Кая! Вы не знаете, где он? – спросила она у роз. – Вы верите, что его нет в живых?

–Нет, он не умер! – ответили розы. – Мы же побывали под землей, где лежат все умершие, но Кая меж ними нет.

–Спасибо вам! – сказала Герда и пошла к другим цветам. Она заглядывала в их чашечки и спрашивала:

–Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и грезил только своей собственной сказкой или историей; много их выслушала Герда, но никто из цветов ни слова не сказал о Кае.

Что же рассказала ей огненная лилия?

–Слышишь, как бьет барабан? “Бум!”, “Бум!”. Звуки очень однообразные, всего лишь два тона: “Бум!”, “Бум!”. Слушай заунывное пение женщин! Слушай крики жрецов ... В длинном алом одеянии стоит на костре вдова индийца. Языки пламени охватывают ее и тело умершего мужа, но женщина думает о живом человеке, что стоит тут же, – о том, чьи глаза горят ярче пламени, чьи взоры обжигают сердце горячее огня, который вот-вот испепелит ее тело. Может ли пламя сердца погаснуть в пламени костра!

–Ничего не понимаю! – сказала Герда.

–Это моя сказка, – объяснила огненная лилия. Что рассказал вьюнок?

–Старинный рыцарский замок возвышается над скалами. К нему ведет узкая горная тропинка. Старые красные стены увиты густым плющом, листья его цепляются друг за друга, плющ обвивает балкон; на балконе стоит прелестная девушка. Она перегнулась через перила и смотрит вниз на тропинку: ни одна роза не может сравниться с ней в свежести; и цветок яблони, сорванный порывом ветра, не трепещет так, как она. Как шелестит ее дивное шелковое платье! “Неужели он не придет?”

–Ты говоришь про Кая? – спросила Герда.

–Я рассказываю о своих грезах! Это моя сказка, – ответил вьюнок. Что рассказал крошка-подснежник?

–Между деревьями на толстых веревках висит длинная доска – это качели. На них стоят две маленькие девочки; платьица на них белые, как снег, а на шляпах длинные зеленые шелковые ленты, они развеваются по ветру. Братишка, постарше их, стоит на качелях, обвив веревку рукой, чтобы не упасть; в одной руке у него чашечка с водой, а в другой трубочка, – он пускает мыльные пузыри; качели качаются, пузыри летают по воздуху и переливаются всеми цветами радуги. Последний пузырь еще висит на конце трубочки и раскачивается на ветру. Черная собачка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапы и хочет вспрыгнуть на качели: но качели взлетают вверх, собачонка падает, сердится и тявкает: дети дразнят ее, пузыри лопаются ... Качающаяся доска, разлетающаяся по воздуху мыльная пена – вот моя песенка!

–Что ж, она очень мила, но ты рассказываешь все это таким печальным голосом! И опять ни слова о Кае! Что рассказали гиацинты?

–Жили на свете три сестры, стройные, воздушные красавицы. На

одной платье было красное, на другой голубое, на третьей – совсем белое. Взявшись за руки, танцевали они у тихого озера при ясном лунном свете. То были не эльфы, а настоящие живые девушки. В воздухе разлился сладкий аромат, а девушки исчезли в лесу. Но вот запахло еще сильнее, еще слаще – три гроба выплыли из лесной чащи на озеро. В них лежали девушки; светлячки кружили в воздухе, словно крошечные трепещущие огоньки. Спят юные плясуньи или умерли? Аромат цветов говорит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим!

–Вы совсем меня расстроили, – сказала Герда. – Вы тоже так сильно пахнете. Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Неужели Кай тоже умер! Но розы побывали под землей, и они говорят, что его там нет.

–Динь-дон! – зазвенели колокольчики гиацинтов. – Мы звонили не над Каем. Мы и не знаем его. Мы поем свою собственную песенку.

Герда подошла к лютику, сидевшему среди блестящих зеленых листьев.

–Маленькое ясное солнышко! – сказала Герда. – Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего маленького дружка?

Лютик засиял еще ярче и взглянул на Герду. Какую же песенку спел лютик? Но и в этой песенке ни слова не было о Кае!

–Был первый весенний день, солнышко приветливо светило на маленький дворик и пригревало землю. Лучи его скользили по белой стене соседнего дома. Возле самой стены распустились первые желтые цветочки, словно золотые сверкали они на солнце; старая бабушка сидела во дворе на своем стуле;

вот вернулась из гостей домой ее внучка, бедная прелестная служанка. Она поцеловала бабушку; поцелуй ее – чистое золото, он идет прямо от сердца. Золото на устах, золото в сердце, золото на небе в утренний час. Вот она, моя маленькая история! – сказал лютик.

–Бедная моя бабушка! – вздохнула Герда. – Она, конечно, тоскует и страдает из-за меня; как она горевала о Кае! Но я скоро вернусь домой вместе с Каем. Незачем больше расспрашивать цветы, они ничего не знают, кроме своих собственных песен, – все равно они мне ничего не посоветуют.

И она подвязала свое платье повыше, чтобы удобнее было бежать. Но когда Герда хотела перепрыгнуть через нарцисс, он хлестнул ее по ноге. Девочка остановилась, посмотрела на длинный желтый цветок и спросила:

–Может, ты что-нибудь знаешь?

И она склонилась над нарциссом, ожидая ответа.

Что же сказал нарцисс?

–Я вижу себя! Я вижу себя! О, как я благоухаю! Высоко под самой крышей в маленькой каморке стоит полуодетая танцовщица. Она то стоит на одной ножке, то на обеих, она попирает весь свет, – ведь она лишь обман зрения. Вот она льет воду из чайника на кусок материи, который держит в руках. Это ее корсаж. Чистота – лучшая красота! Белое платье висит на гвозде, вбитом в стену; оно тоже выстирано водою из чайника и высушено на крыше. Вот девушка одевается и повязывает на шею ярко-желтый платочек, а он еще резче оттеняет белизну платья. Опять одна ножка в воздухе! Смотри, как прямо она держится на другой, точно цветок на своем стебельке! Я вижу в ней себя! Я вижу в ней себя!

–Какое мне до всего этого дело! – сказала Герда. – Нечего мне об этом рассказывать!

И она побежала в конец сада. Калитка была заперта, но Герда так долго расшатывала заржавевший засов, что он поддался, калитка распахнулась, и вот девочка босиком побежала по дороге. Раза три она оглядывалась, но никто не гнался за ней. Наконец, она устала, присела на большой камень и огляделась по сторонам: лето уже прошло, наступила поздняя осень. У старушки

в волшебном саду этого не было заметно, – ведь там все время сияло солнце и цвели цветы всех времен года.

–Господи! Как я замешкалась!,– сказала Герда. – Ведь уже осень! Нет, мне нельзя отдыхать!

Она встала и пошла дальше.

Ах, как ныли ее усталые ножки! Как неприветливо и холодно было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, роса стекала с них крупными каплями. Листья падали на землю один за другим. Только на терновнике еще остались ягоды, но они были такие вяжущие, терпкие.

Ах, до чего серым и унылым казался весь мир!

История четвертая. Принц и Принцесса

Герде пришлось опять присесть и отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; долго-долго смотрел он на девочку, кивая головой, и, наконец, сказал:

–Карр-карр! Добррый день!

Лучше ворон не умел говорить, но от всей души желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одинешенька. Слово “одна” Герда хорошо поняла, она почувствовала, что это значит. Вот она и рассказала ворону о своей жизни и спросила, не видел ли он Кая.

Ворон в раздумье покачал головой и прокаркал:

–Очень вероятно! Очень вероятно!

–Как? Правда? – воскликнула девочка; она осыпала ворона поцелуями и так крепко обняла его, что чуть не задушила.

–Будь благоразумна, будь благоразумна! – сказал ворон. – Я думаю, что это был Кай! Но он, верно, совсем забыл тебя из-за своей принцессы!

–Разве он живет у принцессы? – спросила Герда.

–Да вот, послушай! – сказал ворон. – Только мне ужасно трудно говорить на человеческом языке. Вот если бы ты понимала повороньи, я бы тебе куда лучше все рассказал!

–Нет, этому я не научилась, – вздохнула Герда. – Но бабушка, та понимала, она даже знала “тайный” язык»^[1]. Вот и мне бы научиться!

–Ну, ничего, – сказал ворон. – Расскажу, как сумею, пусть хоть плохо. И он рассказал обо всем, что знал.

–В королевстве, где мы с тобой находимся, живет принцесса – такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты, какие только есть на свете, и тут же позабыла, что в них написано, – вот какая умница! Как-то недавно сидела она на троне – а люди говорят, что это скука смертная! – и вдруг начала напевать вот эту песенку: “Что бы мне бы не выйти замуж! Что бы мне бы не выйти замуж!”. “А почему бы и нет!” – подумала она, и ей захотелось выйти замуж. Но в мужья она хотела взять такого человека, который сумел бы ответить, если с ним заговорят, а не такого, который только и знает, что важничать, – ведь это так скучно. Она приказала барабанщикам ударить в барабаны и созвать всех придворных дам; а когда придворные дамы собрались и узнали о намерениях принцессы, они очень обрадовались.

–Вот и хорошо! – говорили они. – Мы сами совсем недавно об этом думали . . .

–Верь, все, что я тебе говорю, истинная правда! – сказал ворон. У меня при дворе есть невеста, она ручная, и ей можно разгуливать по замку. Вот она-то мне обо всем и рассказала.

Невеста его была тоже ворона: ведь каждый ищет себе жену под стать.

–На другой день все газеты вышли с каймой из сердечек и с

вензелями принцессы. В них было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может беспрепятственно явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того, кто будет говорить непринужденно, словно дома, и окажется всех красноречивей, принцесса возьмет себе в мужа.

—Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что здесь сию. Народ повалил во дворец толпами — какая там была толкотня, давка! Но ни в первый, ни во второй день никому не улыбнулось счастье. Все женихи бойко разговаривали, пока были на улице, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию в расшитых серебром мундирах, а на лестнице лакеев в золотых ливреях, залитые светом залы, как их брала оторопь. А как встанут они перед тронем, на котором сидит принцесса, так ни звука из себя выдать не могут, только повторяют последние принцессыны слова. А ей вовсе неинтересно было слушать все это снова. Можно было подумать, что всех их дурманом опоили! Но стоило им снова очутиться на улице, как языки у них развязывались. Длинный-предлинный хвост женихов тянулся от городских ворот до самого дворца. Я сам там был и все видел. Женихи хотели пить и едва держались на ногах от голода, а во дворце им даже стакана теплой воды не поднесли. Правда, те, что поумнее, захватили с собой хлеба с маслом, но, конечно, никто и не подумал поделиться со своими соседями. “Нет, уж пусть лучше у него будет голодный вид, тогда принцесса его не выберет”, — рассуждали они.

—Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он появился? И он приходил свататься?

—Постой, постой! Теперь мы как раз и до него добрались! На третий день пришел маленький человек — ни в карете, ни верхом, а просто пешком и храбро зашагал прямо во дворец; глаза его сияли, как твои, у него были красивые длинные волосы, но одет был совсем бедно.

—Это Кай! — обрадовалась Герда. — Наконец-то я нашла его! От радости она захлопала в ладоши.

–За спиной у него была котомка, – сказал ворон.

–Нет, это были салазки! – возразила Герда. – Он ушел из дома с санками.

–А может, и санки, – согласился ворон. Я не разглядел хорошенько. Но моя невеста, ручная ворона, рассказала мне, что когда он вошел во дворец и увидел гвардию в расшитых серебром мундирах, а на лестнице лакеев в золотых ливреях, он ни капельки не смутился, а только приветливо кивнул им и сказал: “Должно быть, скучно стоять на лестнице! Пойду-ка я лучше в комнаты!” Залы были залиты светом; тайные советники и их превосходительства ходили без сапог и разносили золотые блюда, – ведь надо же держаться с достоинством!

А сапоги мальчика ужасно скрипели, но это его ничуть не смущало.

–Это, наверное, был Кай! – сказал Герда.–Я помню, у него были новые сапоги, я слышала, как они скрипели у бабушки в комнате!

–Да, скрипели они порядком, – продолжал ворон. – Но мальчик смело подошел к принцессе, которая сидела на жемчужине величиной с колесо прялки. Вокруг стояли все придворные дамы со своими служанками и со служанками своих служанок и все кавалеры со своими камердинерами, слугами своих камердинеров и прислужниками камердинерских слуг; и чем ближе к двери стояли они, тем надменнее держались. На прислужника камердинерских слуг, который всегда носит туфли, нельзя было взглянуть без трепета, до того важно стоял он у порога!

–Ах, наверное, было очень страшно! – сказала Герда. – Ну, так что же, женился Кай на принцессе?

–Не будь я вороном, я бы сам на ней женился, хоть я и помолвлен! Он стал беседовать с принцессой и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи. Так сказала моя милая невеста, ручная ворона. Мальчик был очень храбрый и в то же время милый; он заявил, что пришел во дворец не свататься, –

просто ему захотелось побеседовать с умной принцессой; ну, так вот, она понравилась ему, а он ей.

–Да, конечно, это Кай! – сказала Герда. – Он ведь ужасно умный! Он умел считать в уме, да еще знал дроби! Ах, пожалуйста, проводи меня во дворец!

–Легко сказать! – ответил ворон, – Да как это сделать? Я поговорю об этом с моей милой невестой, ручной вороной; может, она что-нибудь посоветует; должен тебе сказать, что такую маленькую девочку, как ты, ни за что не пустят во дворец!

–Меня пустят! – сказала Герда. – Как только Кай услышит, что я здесь, он сейчас же придет за мной.

–Подожди меня у решетки! – каркнул ворон, покачал головой и улетел. Он вернулся только поздно вечером.

–Карр! Карр! – закричал он. – Моя невеста шлет тебе наилучшие пожелания и кусочек хлеба. Она стащила его в кухне – там хлеба много, а ты, наверное, проголодалась. Тебе не попасть во дворец, – ведь ты босая. Гвардия в серебряных мундирах и лакеи в золотых ливреях ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки туда попадешь! Моя невеста знает маленькую заднюю лестницу, которая ведет прямо в спальню, и она сумеет раздобыть ключ.

Они вошли в сад, пошли по длинной аллее, где с деревьев один за другим падали осенние листья. А когда в окнах погасли огни, ворон подвел Герду к задней двери, которая была чуть приоткрыта.

О, как билось сердце девочки от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, – а ведь ей только хотелось убедиться, Кай ли это! Да, да, конечно он здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза и длинные волосы. Девочка ясно видела, как он улыбается ей, словно в те дни, когда они сидели рядом под розами. Он, конечно, обрадуется, как только увидит ее и узнает, в какой длинный путь отправилась она из-за

него и как горевали о нем все родные и близкие. Она была сама не своя от страха и радости!

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела маленькая лампа. На полу посреди лестничной площадки стояла ручная ворона, она вертела головой во все стороны и разглядывала Герду. Девочка присела и поклонилась вороне, как ее учила бабушка.

–Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, милая барышня, – сказала ручная ворона. –Ваша “vita”^[2], как принято говорить, тоже очень трогательна. Не угодно ли Вам взять лампу, а я пойду впереди. Мы пойдем напрямик, тут мы не встретим ни души.

–Мне кажется, что кто-то идет за нами, – сказала Герда, и в это мгновение какие-то тени с легким шумом промчались мимо нее: кони на стройных ногах, с развевающимися гривами, охотники, дамы и кавалеры верхом на лошадях.

–Это сны! – сказала ворона. – Они пришли, чтобы унести мысли высоких особ на охоту. Тем лучше для нас, по крайней мере никто не помешает вам повнимательнее рассмотреть спящих. Но я надеюсь, что вы, заняв высокое положение при дворе, покажете себя с самой лучшей стороны и не забудете нас!

–Есть о чем говорить! Это сам собой разумеется, – сказал лесной ворон. Тут они вошли в первый зал. Стены его были обиты атласом, а на том атласе были вытканы дивные цветы; и тут мимо девочки опять пронеслись сны, но они летели так быстро, что Герда не смогла рассмотреть благородных всадников. Один зал был великолепнее другого; Герду эта роскошь совсем ослепила. Наконец, они вошли в спальню; потолок ее напоминал огромную пальму с листьями из драгоценного хрусталя; со середины пола к потолку поднимался толстый золотой ствол, а на нем висели две кровати в виде лилий; одна была белая – в ней лежала принцесса, а другая красная – в ней Герда надеялась найти Кая. Она отвела в сторону один из красных лепестков и увидела русский

затылок. О, это Кай! Она громко его окликнула и поднесла лампу к самому его лицу, – сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову . . . Ах, это был не Кай!

Принц походил на Кая только с затылка, но он тоже был молодой и красивый. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда расплакалась и рассказала обо всем, что с ней приключилось, упомянула она и о том, что сделали для нее ворон и его невеста.

–Ах ты, бедняжка! – пожалели девочку принц и принцесса; они похвалили ворон и сказали, что вовсе не сердятся на них, – но только впредь пусть этого не делают! А за этот поступок они даже решили их наградить.

–Хотите быть вольными птицами? – спросила принцесса. – Или желаете занять должность придворных ворон на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили позволения остаться при дворе. Они подумали о старости и сказали:

–Хорошо иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде, пока он больше ничего не мог для нее сделать. А девочка сложила ручки и подумала: “До чего же добры люди и животные!” Потом она закрыла глаза и сладко заснула. Сны опять прилетели, но теперь они были похожи на божьих ангелов и везли маленькие санки, на которых сидел Кай и кивал. Увы, это был только сон, и стоило девочке проснуться, как все исчезло.

На другой день Герду с ног до головы нарядили в шелк и бархат; ей предложили остаться во дворце и пожить в свое удовольствие; но Герда попросила только лошадь с повозкой и сапожки, – она хотела тут же отправиться на поиски Кая.

Ей дали и сапожки, и муфту, и нарядное платье, а когда она простилась со всеми, к дворцовым воротам подъехала новая

какета из чистого золота: герб принца и принцессы сиял на ней, словно звезда. Кучер, слуги и фореиторы – да, там были даже фореиторы – сидели на своих местах, а на головах у них красовались маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастья. Лесной ворон – теперь он уже был женат – провожал девочку первые три мили; он сидел рядом с ней, потому что не переносил езды “задом-наперед”. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями; она не поехала вместе с ними: с тех пор, как ей пожаловали должность при дворе, она страдала головными болями от обжорства. Карета была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем – фруктами и пряниками.

–Прощай, прощай! – закричали принц и принцесса. Герда заплакала, и ворона тоже. Так они проехали три мили, потом ворон тоже простился с ней. Тяжело им было расставаться. Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями, пока карета, сверкавшая, как солнце, не скрылась из виду.

История пятая. Маленькая разбойница

Они ехали по темному лесу, карета горела, словно пламя, свет резал разбойникам глаза: этого они не потерпели.

–Золото! Золото! – закричали они, выскочили на дорогу, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

–Ишь, какая толстененькая! Орешками откормлена! – сказала старая разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми нависшими бровями.

–Словно откормленный барашек! Посмотрим, какова она на вкус? И она вытащила свой острый нож; он так сверкал, что на него было страшно взглянуть.

–Ай! – закричала вдруг разбойница: это ее укусила за ухо собственная дочка, сидевшая у нее за спиной. Она была такая своенравная и озорная, что любо посмотреть.

–Ах ты, дрянная девчонка! – закричала мать, но убить Герду она не успела.

–Пусть она со мной играет! – сказала маленькая разбойница. – Пусть отдаст мне свою муфту и свое хорошенькое платьице, а спать она будет со мной в моей постельке!

Тут она снова укусила разбойницу, да так, что та подпрыгнула от боли и завертелась на одном месте.

Разбойники хохотали и говорили:

–Ишь, как она пляшет со своей девчонкой!

–Я хочу в карету! – сказала маленькая разбойница и настояла на своем, – такая уж она была избалованная и упрямая.

Маленькая разбойница и Герда сели в карету и понеслись по корягам и камням, прямо в чашу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире ее в плечах и гораздо смуглее; волосы у нее были темные, а глаза совсем черные и грустные. Она обняла Герду и сказала:

–Они не посмеют тебя убить, пока я сама не рассержусь на тебя. Ты, наверное, принцесса?

–Нет, – ответила Герда и рассказала ей обо всем, что ей пришлось пережить, и о том, как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее и сказала:

–Они не посмеют тебя убить, даже если я на тебя рассержусь, – скорей уж я сама тебя убью!

Она вытерла Герде слезы и засунула руки в ее красивую, мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка. Замок потрескался сверху донизу; из трещин вылетали вороны и вороны. Огромные бульдоги, такие свирепые, точно им не терпелось проглотить человека, прыгали по двору; но лаять

они не лаяли – это было запрещено.

Посреди огромного, старого, почерневшего от дыма зала прямо на каменном полу пылал огонь. Дым поднимался к потолку и сам должен был искать себе выход; в большом котле варилась похлебка, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

–Эту ночь ты будешь спать со мной, рядом с моими зверюшками, – сказала маленькая разбойница.

Девочек накормили и напоили, и они ушли в свой угол, где лежала солома, покрытая коврами. Над этим ложем на жердочках и шестах сидело около сотни голубей: казалось, что все они спали, но когда девочки подошли, голуби слегка зашевелились.

–Это все мои! – сказала маленькая разбойница. Она схватила того, что сидел поближе, взяла его за лапку и так трянула, что он забил крыльями.

–На, поцелуй его! – крикнула она, ткнув голубя прямо в лицо Герде. – А там сидят лесные пройдохи! – продолжала она, –Это дикие голуби, витютни, вон те два! – и показала на деревянную решетку, закрывавшую углубление в стене. – Их нужно держать взаперти, не то улетят. А вот и мой любимец, старина-олень! – И девочка потянула за рога северного оленя в блестящем медном ошейнике; он был привязан к стене. – Его тоже нужно держать на привязи, не то мигом удерет. Каждый вечер я щекочу его шею своим острым ножом. Ух, как он его боится!

И маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя; бедное животное стало брыкаться, а маленькая разбойница захохотала и потащила Герду к постели.

–А ты что, спишь с ножом? – спросила Герда и испуганно покосилась на острый нож.

–Я всегда сплю с ножом! – ответила маленькая разбойница. – Мало ли что может случиться? А теперь расскажи еще раз о Кае и

о том, как ты странствовала по белу свету.

Герда рассказала все с самого начала. Лесные голуби тихо ворковали за решеткой, а остальные уже спали. Маленькая разбойница обняла одной рукой Герду за шею, – в другой у нее был нож – и захрапела; но Герда не могла сомкнуть глаз: девочка не знала, убьют ее или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пили вино и распевали песни, а старуха-разбойница кувыркалась. Девочка с ужасом смотрела на них.

Вдруг заворковали дикие голуби:

–Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его салазки, а сам он сидел рядом со Снежной королевой в ее санях; они мчались над лесом, когда мы еще лежали в гнезде; онадохнула на нас, и все птенцы, кроме меня и брата, умерли. Курр! Курр!

–Что вы говорите? – воскликнула Герда. – Куда умчалась Снежная королева? Знаете вы еще что-нибудь?

–Видно, она улетела в Лапландию, – ведь там вечный снег и лед. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

–Да, там лед и снег! Да, там чудесно! – сказал олень.–Там хорошо! Скачи себе на воле по необъятным сверкающим снежным равнинам! Там Снежная королева раскинула свой летний шатер, а постоянные ее чертоги у Северного полюса на острове Шпицберген!

–О Кай, мой милый Кай! – вздохнула Герда.

–Лежи смирно! – проворчала маленькая разбойница. – Не то пырну тебя ножом!

Утром Герда пересказала ей все, что говорили лесные голуби. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на нее и сказала:

–Ладно, ладно... А ты знаешь, где Лапландия? – спросила она у северного оленя.

–Кому же это знать, как не мне! – ответил олень, и глаза у него заблестели. – Там я родился и вырос, там я скакал по снежным равнинам!

–Слушай! – сказала Герде маленькая разбойница. – Видишь, все наши ушли, только мать осталась дома; но она немного погодя хлебнет из большой бутылки и вздремнет, – тогда я кое-что сделаю для тебя.

Тут она спрыгнула с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

–Здравствуй, мой милый козлик!

А мать ущипнула ее за нос, так что он покраснел и посинел, – это они, любя, ласкали друг друга.

Потом, когда мать хлебнула из своей бутылки и задремала, маленькая разбойница подошла к оленю и сказала:

–Я бы еще не раз пощекотала тебя этим острым ножом! Ты ведь так смешно дрожишь. Ну, да ладно! Я отвяжу тебя и выпущу на волю! Можешь убираться в свою Лапландию. Только беги, что есть силы, и отнеси эту девочку во дворец Снежной королевы к ее милому дружку. Ты ведь слышал, что она рассказывала? Говорила она довольно громко, а ты вечно подслушиваешь!

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее на всякий случай и даже подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобно было сидеть.

–Так и быть, – сказала она, – бери свои меховые сапожки, ведь тебе будет холодно, а муфту я не отдам, уж очень она мне нравится! Но я не хочу, чтобы ты зябла. Вот тебе рукавицы моей матери. Они огромные, как раз до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей уродины-мамаши!

Гер да плакала от радости.

–Терпеть не могу, когда ревут, – сказала маленькая разбойница.
– Ты теперь радоваться должна! Вот тебе две буханки хлеба и окорок; чтобы ты не голодала.

Маленькая разбойница привязала все это оленю на спину, открыла ворота, заманила собак в дом, перерезала веревку своим острым ножом и сказала оленю:

–Ну, беги! Да смотри, береги девочку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с ней. Олень пустился во всю прыть через пни и кусты, по лесам, по болотам, по степям. Выли волки, каркали вороны. “Трах! Трах!” – послышалось вдруг сверху. Казалось, что весь небосвод охватило алое зарево.

–Вот оно, мое родное северное сияние! – сказал олень. – Посмотри, как горит!

И он побежал еще быстрее, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Прошло много времени. Хлеб был съеден, ветчина тоже. И вот они в Лапландии.

История шестая. Лапландка и финка

Они остановились у жалкой лачужки; крыша почти касалась земли, а дверь была ужасно низенькая: чтобы войти в избушку или выйти из нее, людям приходилось проползать на четвереньках. Дома была только старая лапландка, жарившая рыбу при свете коптилки, в которой горела ворвань. Северный олень рассказал лапландке историю Герды, но сначала он поведал свою собственную, – она казалась ему гораздо важнее. А Герда так продрогла, что и говорить не могла.

–Ах вы, бедняжки! – сказала лапландка. – Вам еще предстоит долгий путь; нужно пробежать сто с лишним миль, тогда вы доберетесь до Финмарка; там дача Снежной королевы, каждый вечер она зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу несколько слов на сушеной треске – бумаги у меня нет – а вы

снесите ее одной финке, что живет в тех местах. Она лучше меня научит вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, наелась и напилась, лапландка написала несколько слов на сушеной треске, наказала Герде хорошенько ее беречь, привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался во весь дух. “Трах! Трах!” – потрескивало что-то вверху, а небо всю ночь озаряло чудесное голубое пламя северного сияния.

Так добрались они до Финмарка и постучали в дымовую трубу лачуги финки – у нее и дверей-то не было.

В лачуге было так жарко, что финка ходила полунагая; это была маленькая, угрюмая женщина. Она живо раздела Герду, стащила с нее меховые сапожки и рукавицы, чтобы девочке не было слишком жарко, а оленю положила на голову кусок льда и только потом принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Три раза она прочла письмо и запомнила его наизусть, а треску бросила в котел с супом: ведь треску можно было съесть, – у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка молча слушала его и только мигала своими умными глазами.

–Ты мудрая женщина, – сказал северный олень. – Я знаю, ты можешь связать одной ниткой все ветры на свете; развяжет моряк один узел – подует попутный ветер; развяжет другой – ветер станет крепче; развяжет третий и четвертый – разыграется такая буря, что деревья повалятся. Не могла бы ты дать девочке такого питья, чтобы она получила силу дюжины богатырей и одолела Снежную королеву?

–Силу дюжины богатырей? – повторила финка. – Да, это бы ей помогло! Финка подошла к какому-то ящичку, вынула из него большой кожаный свиток и развернула его; на нем были начертаны какие-то странные письма. Финка принялась разбирать их и разбирала так усердно, что у нее на лбу выступил пот.

Олень снова принялся просить за маленькую Герду, а девочка глядела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять заморгала и отвела оленя в угол. Положив ему на голову новый кусочек льда, она прошептала:

–Кай в самом деле у Снежной королевы. Он всем доволен и уверен, что это самое лучшее место на земле. А причиной всему осколки волшебного зеркала, что сидят у него в глазу и в сердце. Нужно их вынуть, иначе Кай никогда не будет настоящим человеком, и Снежная королева сохранит над ним свою власть!

–А не можешь ли дать что-нибудь Герде, чтобы она справилась с этой злой силой?

–Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Разве ты не видишь, как велика ее сила? Разве ты не видишь, как ей служат люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Она не должна думать, что силу ей дали мы: сила эта в ее сердце, сила ее в том, что она милое, невинное дитя. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и вынуть осколки из сердца и из глаза Кая, мы ей ничем не сможем помочь. В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы; ту да ты можешь отнести девочку. Ссадишь ее около куста с красными ягодами, что стоит в снегу. Не трать времени на разговоры, а мигом возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на оленя и тот побежал со всех ног.

–Ах, я забыла мои сапожки и рукавицы! – закричала Герда: ее обожгло холодом. Но олень не посмел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами. Там он спустил девочку, поцеловал ее в губы, по его щекам покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой помчался назад. Бедная Герда стояла без сапожек, без рукавиц посреди ужасной ледяной пустыни.

Она побежала вперед, что было силы; навстречу ей несся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба – небо было совсем ясное, освещенное северным сиянием. Нет, снежные хлопья

неслись по земле, и чем ближе они подлетали, тем крупнее становились. Вспомнила тут Герда большие красивые снежинки, которые она видела под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, и все живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Вид у них был диковинный: одни напоминали больших безобразных ежей, другие – клубки змей, третьи – толстых медвежат со взъерошенной шерстью; но все они сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда принялась читать “Отче наш”, а холод был такой, что ее дыхание тотчас превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, и вдруг из него начали выделяться маленькие светлые ангелочки, которые, коснувшись земли, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах; все они были вооружены щитами и копьями. Ангелов становилось все больше и больше, а когда Герда дочитала молитву, ее окружал целый легион. Ангелы пронзали копьями снежных чудовищ, и они рассыпались на сотни кусков. Герда смело пошла вперед, теперь у нее была надежная защита; ангелы гладили ей руки и ноги, и девочка почти не ощущала холода.

Она быстро приближалась к чертогам Снежной королевы.

Ну, а что же в это время делал Кай? Конечно, он не думал о Герде; где уж ему было догадаться, что она стоит перед самым дворцом.

История седьмая. Что произошло в чертогах снежной королевы и что случилось потом

Стены дворца намели снежные метели, а окна и двери проделали буйные ветры. Во дворце было больше ста залов; они были разбросаны как попало, по прихоти вьюг; самый большой зал простирался на много-много миль. Весь дворец освещался ярким северным сиянием. Как холодно, как пустынно было в этих ослепительно белых залах!

Веселье никогда не заглядывало сюда! Ни разу не устраивались здесь медвежьи балы под музыку бури, балы, на которых белые

медведи расхаживали бы на задних лапах, показывая свою грацию и изящные манеры; ни разу не собралось здесь общество, чтобы поиграть в жмурки или фанты; даже беленькие кумушки-лисички, и те никогда не забегали сюда поболтать за чашкой кофе. Холодно и пустынно было в огромных чертогах Снежной королевы. Северное сияние сияло так правильно, что можно было рассчитать, когда оно разгорится ярким пламенем и когда совсем ослабнет.

Посреди самого большого пустынного зала лежало замерзшее озеро. Лед на нем треснул и разбился на тысячи кусков; все куски были совершенно одинаковые и правильные, – настоящее произведение искусства! Когда Снежная королева бывала дома, она восседала посреди этого озера и говорила потом, что она сидит на зеркале разума: по ее мнению, это было единственное и неповторимое зеркало, самое лучшее на свете.

Кай посинел и почти почернел от холода, но не замечал этого, – ведь поцелуй Снежной королевы сделали его нечувствительным к стуже, а сердце его давно превратилось в кусок льда. Он возился с остроконечными плоскими льдинками, укладывая их на все лады, – Кай хотел что-то сложить из них. Это напоминало игру, которая называется “китайской головоломкой”; состоит она в том, что из деревянных дощечек складываются различные фигуры. И Кай тоже складывал фигуры, одну затейливее другой. Эта игра называлась “ледяной головоломкой”. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их – занятием первостепенной важности. И все потому, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал целые слова из льдин, но никак не мог составить того, что ему так хотелось, – слова “вечность”. А Снежная королева сказала ему: “Сложи это слово, – и ты будешь сам себе господин, а я подарю тебе весь мир и новые коньки”. Но он никак не мог его сложить.

–Теперь я полечу в теплые края! – сказала Снежная королева. – Загляну в черные котлы!

Котлами она называла кратеры огнедышащих гор, Везувия и Этны.

–Побелю их немного. Так надо. Это полезно для лимонов и винограда! Снежная королева улетела, а Кай остался один в пустом ледяном зале, тянувшемся на несколько миль. Он смотрел на льдины и все думал, думал, так что голова у него трещала. Окоченевший мальчик сидел неподвижно. Можно было подумать, что он замерз.

А тем временем Герда входила в огромные ворота, где разгуливали свирепые ветры. Но она прочла вечернюю молитву, и ветры утихли, словно заснули. Герда вошла в необозримый пустынный ледяной зал, увидела Кая и тотчас узнала его. Девочка бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

–Кай, мой милый Кай! Наконец-то я тебя нашла!

Но Кай даже не пошевелился: он сидел все такой же невозмутимый и холодный. И тут Герда расплакалась: горячие слезы упали Кая на грудь и проникли в самое сердце; они растопили лед и расплавили осколок зеркала. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы в долинах цветут...Красота!

Скоро узрим мы младенца Христа

Кай вдруг залился слезами и плакал так сильно, что второй осколок выкатился из глаза. Он узнал Герду и радостно воскликнул:

–Герда! Милая Герда! Где ты пропадала? И где я сам был? – И он посмотрел по сторонам. – Как здесь холодно! Как пустынно в этих огромных залах!

Он крепко прижался к Герде, а она смеялась и плакала от радости. Да, радость ее была так велика, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись так, что из них составилось то самое слово, которое велела сложить Кая Снежная королева. За это слово она пообещала подарить ему свободу, весь свет и новые коньки.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять порозовели; поцеловала в глаза – и они засияли, как у нее; поцеловала его руки и ноги – и он снова стал бодрым и здоровым. Пусть Снежная королева возвращается, когда ей вздумается, – ведь его отпускная, написанная блестящими ледяными буквами, лежала здесь.

Кай и Герда взяли за руки и вышли из дворца. Они говорили о бабушке и розах, что росли дома под самой крышей. И повсюду, где они шли, стихали буйные ветры, а солнышко выглядывало из-за туч. У куста с красными ягодами их поджидал северный олень, он привел с собой и молодую олениху, вымя ее было полно молока. Она напоила детей теплым молоком и поцеловала их в губы. Потом она с оленем отвезла Кая и Герду сначала к Финке. У нее они отогрелись и узнали дорогу домой, а потом отправились к лапландке; та сшила им новую одежду и починила салазки Кая.

Олень с оленихой бежали рядом и провожали их до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда расстались с оленями и с лапландкой.

–Прощайте! Прощайте! – говорили они друг другу.

Щебетали первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из лесу верхом на великолепном коне выехала молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом в руках. Герда сразу узнала коня, когда-то он был впряжен в золотую карету. Это была маленькая разбойница; ей надоело сидеть дома и она захотела побывать на севере, а если там не понравится, – то и в других частях света.

Они с Гердой сразу узнали друг друга. Вот была радость!

–Ну и бродяга же ты! – сказала она Каю. – Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда погладила ее по щеке и спросила про принца и принцессу.

–Они уехали в чужие края, – ответила девушка-разбойница.

–А ворон? – спросила Герда.

–Ворон умер; ручная ворона овдовела, теперь она носит на ножке в знак траура черную шерстинку и жалуется на свою судьбу. Но все это пустяки! Расскажи лучше, что было с тобой, и как ты его нашла?

Кай и Герда рассказали ей обо всем.

–Вот и сказке конец! – сказала разбойница, пожала им руки, пообещала навестить их, если ей когда-нибудь доведется побывать в их городе. Затем она отправилась странствовать по свету. Кай и Герда, взявшись за руки, пошли своей дорогой. Повсюду их встречала весна: цвели цветы, зеленела трава.

Послышался колокольный звон, и они узнали высокие башни своего родного города. Кай и Герда вошли в город, в котором жила бабушка; потом они поднялись по лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: часы тикали: “тик-так”, а стрелки все так же двигались. Но проходя в дверь, они заметили, что выросли и стали взрослыми. Розы цвели на желобке и заглядывали в открытые окна.

Тут же стояли их детские скамеечки. Кай с Гердой уселись на них и взялись за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы они забыли, как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и вслух читала евангелие: “Если не будете, как дети, не войдете в царствие небесное!”

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы в долинах цветут... Красота!

Скоро узрим мы младенца Христа!

Так сидели они, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло теплое, благодатное лето.

[1] – Тарабарщина, распространенная среди детей: к обычным слогам прибавляются определенные буквы или слоги, начинающиеся с одной и той же буквы.

[2] – Жизнь (лат.)

Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Ель (Ёлочка)

В лесу стояла чудесная елочка. Место у нее было хорошее, воздуха и света вдоволь; кругом же росли подружки постарше – и ели, и сосны. Елочке ужасно хотелось поскорее вырасти; она не думала ни о теплом солнышке, ни о свежем воздухе, не было ей дела и до болтливых крестьянских ребятишек, что собирали по лесу землянику и малину; набрав полные корзиночки или нанизав ягоды, словно бусы, на тонкие прутики, они присаживались под елочку отдохнуть и всегда говорили:

– Вот славная елочка! Хорошенькая, маленькая! Таких речей деревце и слушать не хотело.

Прошел год, и у елочки прибавилось одно коленце, прошел еще год, прибавилось еще одно – так, по числу коленцев, и можно узнать, сколько дереву лет.

– Ах, если бы я была такой же большой, как другие деревья! – вздыхала елочка. – Тогда бы и я широко раскинула свои ветви, высоко подняла голову, и мне бы видно было далеко-далеко вокруг! Птицы свили бы в моих ветвях гнезда, и я при ветре так же важно кивала бы головой, как другие!

И ни солнышко, ни пение птичек, ни розовые утренние и вечерние облака не доставляли ей ни малейшего удовольствия.

Стояла зима; земля была устлана сверкающим снежным ковром; по снегу нет-нет да пробегал заяц и иногда даже перепрыгивал через елочку – вот обида! Но прошло еще две зимы, и к третьей деревце подросло уже настолько, что зайцу приходилось обходить его кругом.

«Да, расти, расти и поскорее сделаться большим, старым деревом – что может быть лучше этого!» – думалось елочке.

Каждую осень в лесу появлялись дровосеки и рубили самые большие деревья. Елочка каждый раз дрожала от страха при виде падавших на землю с шумом и треском огромных деревьев. Их очищали от ветвей, и они валялись на земле такими голыми, длинными и тонкими. Едва можно было узнать их! Потом их укладывали на дровни и увозили из леса.

Куда? Зачем?

Весною, когда прилетели ласточки и аисты, деревце спросило у них:

– Не знаете ли, куда повезли те деревья? Не встречали ли вы их? Ласточки ничего не знали, но один из аистов подумал, кивнул головой и сказал:

– Да, пожалуй! Я встречал на море, по пути из Египта, много новых кораблей с великолепными высокими мачтами. От них пахло елью и сосной. Вот где они!

– Ах, поскорей бы и мне вырасти да пуститься в море! А каково это море, на что оно похоже?

– Ну, это долго рассказывать! – ответил аист и улетел.

– Радуйся своей юности! – говорили елочке солнечные лучи. – Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненным силам!

И ветер целовал дерево, роса проливала над ним слезы, но ель ничего этого не ценила.

Незадолго до Рождества срубили несколько совсем молоденьких елок; некоторые из них были даже меньше нашей елочки, которой так хотелось поскорее вырасти. Все срубленные деревца были прехорошенькие; их не очищали от ветвей, а прямо уложили на дровни и увезли из леса.

– Куда? – спросила ель. – Они не больше меня, одна даже меньше. И почему на них оставили все ветви? Куда их повезли?

– Мы знаем! Мы знаем! – прочирикали воробьи. – Мы были в городе и заглядывали в окна! Мы знаем, куда их повезли! Они попадут в такую честь, что и сказать нельзя! Мы заглядывали в окна и видели! Их ставят посреди теплой комнаты и украшают чудеснейшими вещами: золочеными яблоками, медовыми пряниками и тысячами свечей!

– А потом?.. – спросила ель, дрожа всеми ветвями. – А потом?.. Что было с ними потом?

– А больше мы ничего не видали! Но это было бесподобно!

– Может быть, и я пойду такую же блестящую дорогой! – радовалась ель. – Это получше, чем плавать по морю! Ах, я просто изнываю от тоски и нетерпения! Хоть бы поскорее пришло

Рождество! Теперь и я стала такую же высокою и раскидистою, как те, что были срублены в прошлом году! Ах, если б я уже лежала на дровнях! Ах, если б я уже стояла, разубранная всеми этими прелестями, в теплой комнате! А потом что?.. Потом, верно, будет еще лучше, иначе зачем бы и наряжать меня!.. Только что именно? Ах, как я тоскую и рвусь отсюда! Просто и сама не знаю, что со мной!

– Радуйся нам! – сказали ей воздух и солнечный свет. – Радуйся своей юности и лесному приволью!

Но она и не думала радоваться, а все росла да росла. И зиму, и лето стояла она в своем зеленом уборе, и все, кто видел ее, говорили: «Вот чудесное деревце!» Подошло, наконец, и Рождество, и елочку срубили первую. Жгучая боль и тоска не дали ей даже и подумать о будущем счастье; грустно было расставаться с родным лесом, с тем уголком, где она выросла: она ведь знала, что никогда больше не увидит своих милых подруг – елей и сосен, кустов, цветов, а может быть, даже и птичек! Как тяжело, как грустно!..

Деревце пришло в себя только тогда, когда очутилось вместе с другими деревьями на дворе и услышало возле себя чей-то голос:

– Чудесная елка! Такую-то нам и нужно!

Явились двое разодетых слуг, взяли елку и внесли ее в огромную великолепную залу. По стенам висели портреты, а на большой кафельной печке стояли китайские вазы со львами на крышках; повсюду были расставлены кресла-качалки, шелковые диваны и большие столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками на несколько сот далеров – так, по крайней мере, говорили дети. Елку посадили в большую кадку с песком, обернули кадку зеленою материей и поставили на пестрый ковер. Как трепетала елочка! Что-то теперь будет? Явились слуги и молодые девушки и стали наряжать ее. Вот на ветвях повисли полные сластей маленькие сетки, вырезанные из цветной бумаги, золоченые яблоки и орехи и закачались куклы – ни дать ни взять живые человечки; таких

елка еще и не видывала. Наконец к ветвям прикрепили сотни разноцветных маленьких свечек, а к самой верхушке елки – большую звезду из сусального золота. Ну просто глаза разбегались, глядя на все это великолепие!

– Как заблестит, засияет елка вечером, когда зажгутся свечки!
– сказали все.

«Ах! – подумала елка, – хоть бы поскорее настал вечер и зажгли свечки! А что же будет потом? Не явятся ли сюда из лесу, чтобы полюбоваться на меня, другие деревья? Не прилетят ли к окошкам воробьи? Или, может быть, я в расту в эту кадку и буду стоять тут такую нарядной и зиму и лето?»

Да, много она знала!.. От напряженного ожидания у нее даже заболела кора, а это для дерева так же неприятно, как для нас головная боль.

Но вот зажгли свечи. Что за блеск, что за роскошь! Елка задрожала всеми ветвями, одна из свечек подпалила зеленые иглы, и елочка пребольно обожглась.

– Ай-ай! – закричали барышни и поспешно затушили огонь. Больше елка дрожать не смела. И напугалась же она! Особенно

потому, что боялась лишиться хоть малейшего из своих украшений. Но весь этот блеск просто ошеломлял ее... Вдруг обе половинки дверей распахнулись, и ворвалась целая толпа детей; можно было подумать, что они намеревались свалить дерево! За ними степенно вошли старшие. Малыши остановились как вкопанные, но лишь на минуту, а там поднялся такой шум и гам, что просто в ушах звенело. Дети плясали вокруг елки, и мало-помалу все подарки с нее были посорваны.

«Что же это они делают! – думала елка. – Что это значит?» Свечки догорели, их потушили, а детям позволили обобрать дерево. Как они набросились на него! Только ветви трещали! Не будь елка крепко привязана верхушкой с золотой звездой к потолку, они бы повалили ее.

Потом дети опять принялись плясать, не выпуская из рук своих чудесных игрушек. Никто больше не глядел на елку, кроме старой няни, да и та высматривала только, не осталось ли где в ветвях яблочка или финика.

– Сказку! Сказку! – закричали дети и подтащили к елке маленького толстенького господина.

Он уселся под деревом и сказал:

– Вот мы и в лесу! Да и елка, кстати, послушает! Но я расскажу только одну сказку! Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, все-таки вошел в честь и добыл себе принцессу?

– Про Иведе-Аведе! – закричали одни.

– Про Клумпе-Думпе! – кричали другие.

Поднялся крик и шум; одна елка стояла смирно и думала: «А мне разве нечего больше делать?»

Она уж сделала свое дело!

И толстенький господин рассказал про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, все-таки вошел в честь и добыл себе принцессу.

Дети захлопали в ладоши и закричали: «Еще, еще!» Они хотели послушать и про Иведе-Аведе, но остались при одном Клумпе-Думпе.

Тихо, задумчиво стояла елка: лесные птицы никогда не рассказывали ничего подобного. «Клумпе-Думпе свалился с лестницы, и все же ему досталась принцесса! Да, вот что бывает на белом свете!» – думала елка: она вполне верила всему, что сейчас слышала, – рассказывал ведь такой почтенный господин. «Да, да, кто знает! Может быть, и мне придется свалиться с лестницы, а потом и мне достанется принцесса!» И она с радостью думала о завтрашнем дне: ее опять украсят свечками,

игрушками, золотом и фруктами! «Завтра уж я не задрожу! – думала она. – Я хочу как следует насладиться своим великолепием! И завтра я опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а может статься, и про Иведе-Аведе». И деревце смиренно простояло всю ночь, мечтая о завтрашнем дне.

Поутру явились слуга и горничная. «Сейчас опять начнут меня украшать!» – подумала елка, но они вытащили ее из комнаты, поволокли по лестнице и сунули в самый темный угол чердака, куда даже не проникал дневной свет.

«Что же это значит? – думалось елке. – Что мне здесь делать? Что я тут увижу и услышу?» И она прислонилась к стене и все думала, думала... Времени на это было довольно: проходили дни и ночи – никто не заглядывал к ней. Раз только пришли люди поставить на чердак какие-то ящики. Дерево стояло совсем в стороне, и о нем, казалось, забыли.

«На дворе зима! – думала елка. – Земля затвердела и покрыта снегом: нельзя, значит, снова посадить меня в землю, вот и приходится постоять под крышей до весны! Как это умно придумано! Какие люди добрые! Не будь только здесь так темно и так ужасно пусто!.. Нет даже ни единого зайчика!.. А в лесу-то как было весело! Кругом снег, а по снегу скачут зайчики! Хорошо было... Даже когда они прыгали через меня, хоть меня это и сердило! А тут как пусто!»

– Пи-пи! – пискнул вдруг мышонок и выскочил из норки, за ним еще несколько. Они принялись обнюхивать дерево и шмыгать меж его ветвями.

– Ужасно холодно здесь! – сказали мышата. – А то совсем бы хорошо было! Правда, старая елка?

– Я вовсе не старая! – отвечала ель. – Есть много деревьев постарше меня!

– Откуда ты и что ты знаешь? – спросили мышата; они были ужасно любопытны. – Расскажи нам, где самое лучшее место на

земле? Ты была там? Была ты когда-нибудь в кладовой, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока и где можно плясать по сальным свечкам? Туда войдешь тощим, а выйдешь оттуда толстым!

– Нет, такого места я не знаю! – сказала дерево. – Но я знаю лес, где светит солнышко и поют птички!

И она рассказала им о своей юности; мышата никогда не слышали ничего подобного, выслушали рассказ елки и потом сказали:

– Как же ты много видела. Как ты была счастлива!

– Счастлива? – сказала ель и задумалась о том времени, о котором только что рассказывала. – Да, пожалуй, тогда мне жилось недурно!

Затем она рассказала им про тот вечер, когда была разубрана пряниками и свечками.

– О! – сказали мышата. – Как же ты была счастлива, старая елка!

– Я совсем еще не стара! – возразила ель. – Я взята из леса только нынешнею зимой! Я в самой поре! Только что вошла в рост!

– Как ты чудесно рассказываешь! – сказали мышата и на следующую ночь привели с собой еще четырех, которым тоже надо было послушать рассказы елки. А сама ель чем больше рассказывала, тем яснее припоминала свое прошлое, и ей казалось, что она пережила много хороших дней.

– Но они же вернутся! Вернутся! И Клумпе-Думпе упал с лестницы, а все-таки ему досталась принцесса! Может быть, и мне тоже достанется принцесса!

При этом дерево вспомнило хорошенькую березку, что росла в лесной чаще неподалеку от него, – она казалась ему настоящей принцессой.

– Кто это Клумпе-Думпе? – спросили мышата, и ель рассказала им всю сказку; она запомнила ее слово в слово. Мышата от удовольствия чуть не прыгали до самой верхушки дерева. На следующую ночь явилось еще несколько мышей, а в воскресенье пришли даже две крысы. Этим сказка вовсе не понравилась, что очень огорчило мышат, но теперь и они перестали уже так восхищаться сказкою, как прежде.

– Вы только одну эту историю и знаете? – спросили крысы.

– Только! – отвечала ель. – Я слышала ее в счастливейший вечер в моей жизни; тогда-то я, впрочем, еще не сознавала этого!

– В высшей степени жалкая история! Не знаете ли вы чего-нибудь про жир или сальные свечки? Про кладовую?

– Нет! – ответило дерево.

– Так счастливо оставаться! – сказали крысы и ушли. Мышата тоже разбежались, и ель вздохнула:

– А ведь славно было, когда эти резвые мышата сидели вокруг меня и слушали мои рассказы! Теперь и этому конец... Но уж теперь я не упущу своего, порадуюсь хорошенько, когда наконец снова выйду на белый свет!

Не так-то скоро это случилось!

Однажды утром явились люди прибрать чердак. Ящики были вытащены, а за ними и ель. Сначала ее довольно грубо бросили на пол, потом слуга поволок ее по лестнице вниз.

«Ну, теперь для меня начнется новая жизнь!» – подумала елка.

Вот на нее повеяло свежим воздухом, блеснул луч солнца – ель очутилась на дворе. Все это произошло так быстро, вокруг было столько нового и интересного для нее, что она не успела и поглядеть на самое себя. Двор примыкал к саду; в саду все зеленело и цвело. Через изгородь перевешивались свежие благоухающие розы, липы были покрыты цветом, ласточки летали

взад и вперед и щебетали:

– Квир-вир-вит! Мой муж вернулся! Но это не относилось к ели.

– Теперь и я заживу! – радовалась ель и расправила свои ветви. Ах, как они поблекли и пожелтели!

Дерево лежало в углу двора, на крапиве и сорной траве; на верхушке его все еще сияла золотая звезда.

На дворе весело играли те самые ребяташки, что прыгали и плясали вокруг разубранной елки в сочельник. Самый младший увидел дерево и сорвал с него звезду.

– Поглядите-ка, что осталось на этой гадкой, старой елке! – сказал он и наступил ногами на ее ветви – ветви захрустели.

Ель посмотрела на молодую, цветущую жизнь вокруг, потом поглядела на самое себя и пожелала вернуться в свой темный угол на чердак.

Вспомнились ей и молодость, и лес, и веселый сочельник, и мышата, радостно слушавшие сказку про Клумпе-Думпе...

– Все прошло, прошло! – сказала бедное дерево. – И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь... все прошло, прошло!

Пришел слуга и изрубил елку в куски – вышла целая связка растопок. Как славно запылали они под большим котлом! Дерево глубоко-глубоко вздыхало, и эти вздохи были похожи на слабые выстрелы. Прибежали дети, уселись перед огнем и встречали каждый выстрел веселым «пиф! паф!». А ель, испуская тяжелые вздохи, вспоминала ясные летние дни и звездные зимние ночи в лесу, веселый сочельник и сказку про Клумпе-Думпе, единственную слышанную ею сказку!.. Так она вся и сгорела.

Мальчики опять играли на дворе; у младшего на груди сияла та самая золотая звезда, которая украшала елку в счастливейший вечер ее жизни. Теперь он прошел, канул в вечность, елке тоже пришел конец, а с нею и нашей истории. Конец, конец! Все на

свете имеет свой конец!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Гадкий утёнок

В зарослях лопуха у одной старой усадьбы мама-утка вывела утят, но последний её птенец выглядел ужасно и не был похож на остальных. Обитатели птичьего двора сразу невзлюбили гадкого утёнка, из-за чего постоянно нападали на птенца.

Хорошо было за городом! Стояло лето. На полях уже золотилась рожь, овес зеленел, сено было смётано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски – этому языку он выучился у своей матери. За полями и лугами темнел большой лес, а в лесу прятались глубокие синие озера. Да, хорошо было за городом! Солнце освещало старую усадьбу, окруженную глубокими канавами с водой. Вся земля – от стен

дома до самой воды – заросла лопухом, да таким высоким, что маленькие дети могли стоять под самыми крупными его листьями во весь рост.

В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу. Вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это занятие порядком надоело. К тому же ее редко навещали, – другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да крякать вместе с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали.

Утята зашевелились, застучали клювами и высунули головки.

– Пип, пип! – сказали они.

– Кряк, кряк! – ответила утка. – Поторапливайтесь!

Утята выкарабкались кое-как из скорлупы и стали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха. Мать не мешала им – зеленый цвет полезен для глаз.

– Ах, как велик мир! – сказали утята. Еще бы! Теперь им было куда просторнее, чем в скорлупе.

– Уж не думаете ли вы, что тут и весь мир? – сказала мать. – Какое там! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, за поле.. Но, по правде говоря, там я отроду не бывала!.. Ну что, все уже выбрались? – Иона поднялась на ноги. – Ах нет, еще не все.. Самое большое яйцо целехонько! Да когда же этому будет конец! Я скоро совсем потеряю терпение.

И она уселась опять.

– Ну, как дела? – спросила старая утка, просунув голову в чашу лопуха.

– Да вот, с одним яйцом никак не могу справиться, – сказала молодая утка. – Сижу, сижу, а оно всё не лопается. Зато посмотри на тех малюток, что уже вылупились. Просто прелесть!

Все, как один, – в отца! А он-то, негодный, даже не навестил меня ни разу!

– Постой, покажи-ка мне сперва-то яйцо, которое не лопается, – сказала старая утка. – Уж не индюшечье ли оно, чего доброго? Ну да, конечно!.. Вот точно так же и меня однажды провели. А сколько хлопот было у меня потом с этими индюшатами! Ты не поверишь: они до того боятся воды, что их и не загонишь в канаву. Уж я и шипела, и крякала, и просто толкала их в воду, – не идут, да и только. Дай-ка я еще раз взгляну. Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его, да ступай, учи своих деток плавать!

– Нет, я, пожалуй, посижу, – сказала молодая утка. – Уж столько терпела, что можно еще немного потерпеть.

– Ну и сиди! – сказала старая утка и ушла. И вот наконец большое яйцо треснуло.

– Пип! Пип! – пропищал птенец и вывалился из скорлупы.

Но какой, же он был большой и гадкий! Утка оглядела его со всех сторон и всплеснула крыльями.

– Ужасный урод! – сказала она. – И совсем не похож на других! Уж не индюшонок ли это в самом деле? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух был залит солнцем.

Утка со всей своей семьей отправилась к канаве. Бултых! – и она очутилась в воде.

– Кряк-кряк! За мной! Живо! – позвала она, и утята один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головой, но они сейчас же вынырнули и отлично поплыли вперед. Лапки у них так и заработали, так и заработали. Даже гадкий серый утенок не отставал от других.

– Какой же это индюшонок? – сказала утка. – Вон как славно гребет лапками! И как прямо держится! Нет, это мой собственный сын. Да он вовсе не так дурен, если хорошенько присмотреться к нему. Ну, живо, живо за мной! Я сейчас введу вас в общество – мы отправимся на птичий двор. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро утка со всем своим выводком добралась до птичьего двора. Бог ты мой! Что тут был за шум! Два утиных семейства дрались из-за головки угря. И в конце концов эта головка досталась кошке.

– Вот так всегда и бывает в жизни! – сказала утка и облизнула язычком клюв – она и сама была не прочь отведать угриной головки. – Ну, ну, шевелите лапками! – скомандовала она, поворачиваясь к утятам. – Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех. Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток! До чего красиво! Это высшее отличие, какого только может удостоиться утка. Это значит, что ее не хотят потерять, – по этому лоскутку ее сразу узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен выворачивать лапки наружу. Вот так! Смотрите. Теперь наклоните головки и скажите: «Кряк!»

Утята так и сделали.

Но другие утки оглядели их и громко заговорили:

– Ну вот, еще целая орава! Точно без них нас мало было! А один-то, какой гадкий! Этого уж мы никак не потерпим!

И сейчас же одна утка подлетела и клюнула его в шею.

– Оставьте его! – сказала утка-мать. – Ведь он вам ничего не сделал!

– Положим, что так. Но какой-то он большой и несуразный! – прошипела злая утка. – Не мешает его немного проучить.

А знатная утка с красным лоскутком на лапке сказала:

– Славные у тебя детки! Все очень, очень милы, кроме одного, пожалуй... Бедняга не удался! Хорошо бы его переделать.

– Это никак невозможно, ваша милость! – ответила утка-мать. – Он некрасив – это правда, но у него доброе сердце. А плавает он не хуже, смею даже сказать – лучше других. Я думаю, со временем он выровняется и станет поменьше. Он слишком долго пролежал в яйце и потому немного перерос. – И она разгладила клювом перышки на его спине. – Кроме того, он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Я думаю, он вырастет сильным и пробьет себе дорогу в жизнь.

– Остальные утята очень, очень милы! – сказала знатная утка. – Ну, будьте как дома, а если найдете угриную головку, можете принести ее мне.

И вот утята стали вести себя как дома. Только бедному утенку, который вылупился позже других и был такой гадкий, никто не давал проходу. Его клевали, толкали и дразнили не только утки, но даже куры.

– Слишком велик! – говорили они.

А индийский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя чуть не императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел прямо к утенку, поглядел на него и сердито залопотал; гребешок у него так и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, куда деваться. И надо же было ему уродиться таким гадким, что весь птичий двор смеется над ним!

Так прошел первый день, а потом стало еще хуже. Все гнали бедного утенка, даже братья и сестры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносный урод!» А мать прибавляла: «Глаза б мои на тебя не глядели!» Утки щипали его, куры клевали, а девушка, которая давала птицам корм, отталкивала его ногою.

Наконец утенок не выдержал. Он перебежал через двор и, распутив свои неуклюжие крылышки, кое-как перевалился через забор прямо в колючие кусты.

Маленькие птички, сидевшие на ветках, разом вспорхнули и разлетелись в разные стороны.

«Это оттого, что я такой гадкий», – подумал утенок и, зажмурив глаза, бросился бежать, сам не зная куда. Он бежал до тех пор, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки.

Тут он провел всю ночь. Бедный утенок устал, и ему было очень грустно.

Утром дикие утки проснулись в своих гнездах и увидели нового товарища.

– Это что за птица? – спросили они. Утенок вертелся и кланялся во все стороны, как умел.

– Ну и гадкий же ты! – сказали дикие утки. – Впрочем, нам до этого нет никакого дела, только бы ты не лез к нам в родню.

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы ему позволили жить в камышах да пить болотную воду, – о большем он и не мечтал.

Так просидел он в болоте два дня. На третий день туда прилетели два диких гусака. Они совсем недавно научились летать и поэтому очень важничали.

– Слушай, дружище! – сказали они. – Ты такой чудной, что на тебя смотреть весело. Хочешь дружить с нами? Мы птицы вольные – куда хотим, туда и летим. Здесь поблизости есть еще болото, там живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: «Рап! Рап!» Ты так забавен, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех.

Пиф! Паф! – раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми, а вода покраснела от крови.

Пиф! Паф! – раздалось опять, и целая стая диких гусей поднялась над болотом. Выстрел гремел за выстрелом. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них забрались на деревья и вели стрельбу сверху. Голубой дым облаками окутывал вершины деревьев и стлался над водой. По болоту рыскали охотничьи собаки. Только и слышно было: шлёп-шлёп! И камыш раскачивался из стороны в сторону. Бедный утенок от страха был ни жив ни мертв. Он хотел было спрятать голову под крылышко, как вдруг прямо перед ним выросла охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она посмотрела на утенка, оскалила острые зубы и – шлёп-шлёп! – побежала дальше.

«Кажется, пронесло, – подумал утенок и перевел дух. – Видно, я такой гадкий, что даже собаке противно съесть меня!»

И он притаился в камышах. А над головой его то и дело свистела дробь, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелинуться.

Прошло несколько часов. Наконец он осмелился встать, осторожно огляделся вокруг и пустился бежать дальше по полям и лугам.

Дул такой сильный встречный ветер, что утенок еле-еле передвигал лапками.

К ночи он добрался до маленькой убогой избушки. Избушка до того обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, потому и держалась.

Ветер так и подхватывал утенка, – приходилось прижиматься к самой земле, чтобы не унесло.

К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и так перекосилась, что сквозь щель можно легко пробраться внутрь. И утенок пробрался.

В избушке жила старуха со своей курицей и котом. Кота она звала Сыночком; он умел выгибать спину, мурлыкать и даже

сыпать искрами, но для этого надо было погладить его против шерсти. У курицы были маленькие коротенькие ножки, и потому ее так и прозвали Коротконожкой. Она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром утенка заметили. Кот начал мурлыкать, а курица кудахтать.

– Что там такое? – спросила старушка. Она поглядела кругом и увидела в углу утенка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

– Вот так находка! – сказала старушка. – Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. И она решила оставить бездомную птицу у себя. Но прошло недели три, а яиц всё не было. Настоящим хозяином в доме был кот, а хозяйкой – курица. Оба они всегда говорили: «Мы и весь свет!» Они считали самих себя половиной всего света, и притом лучшей половиной. Утенку, правда, казалось, что на сей счет можно быть другого мнения. Но курица этого не допускала.

– Умеешь ты нести яйца? – спросила она утенка.

– Нет!

– Так и держи язык на привязи! А кот спросил:

– Умеешь ты выгибать спину, сыпать искрами и мурлыкать?

– Нет!

– Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу, нахохлившись.

Как-то раз дверь широко отворилась, и в комнату ворвались струя свежего воздуха и яркий солнечный луч. Утенка так сильно потянуло на волю, так захотелось ему поплавать, что он не мог удержаться и сказал об этом курице.

– Ну, что еще выдумал? – напустилась на него курица. –

Бездельничаешь, вот тебе в голову и лезет всякая чепуха! Несика яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

– Ах, плавать так приятно! – сказал утенок. – Такое удовольствие нырнуть вниз головой в самую глубину!

– Вот так удовольствие! – сказала курица. – Ты совсем с ума сошел! Спроси у кота – он рассудительней всех, кого я знаю, – нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж не говорю. Спроси, наконец, у нашей госпожи старушки, умнее ее, уж наверное, никого нет на свете! Она тебе скажет, любит ли она нырять вниз головой в самую глубину!

– Вы меня не понимаете! – сказал утенок.

– Если уж мы не понимаем, так, кто тебя и поймет! Ты, видно, хочешь быть умнее кота и нашей госпожи, не говоря уже обо мне! Не дури и будь благодарен за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, ты попал в такое общество, в котором можешь кое-чему научиться. Но ты пустая голова, и разговаривать с тобой не стоит. Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя. Так всегда поступают истинные друзья. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да сыпать искрами!

– Я думаю, мне лучше уйти отсюда, куда глаза глядят! – сказал утенок.

– Ну и ступай себе! – ответила курица.

И утенок ушел. Он жил на озере, плавал и нырял вниз головой, но все вокруг по-прежнему смеялись над ним и называли его гадким и безобразным.

А между тем настала осень. Листья на деревьях пожелтели и побурели. Они так и сыпались с ветвей, а ветер подхватывал их и кружил по воздуху. Стало очень холодно. Тяжелые тучи сеяли на землю то град, то снег. Даже ворон, сидя на изгороди, каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли

о такой стуже!

Плохо приходилось бедному утенку.

Раз под вечер, когда солнышко еще сияло на небе, из-за леса поднялась целая стая чудесных, больших птиц. Таких красивых птиц утенок никогда еще не видел – все белые как снег, с длинными гибкими шеями...

Это были лебеди.

Их крик был похож на звуки трубы. Они распростирали свои широкие, могучие крылья и полетели с холодных лугов в теплые края, за синие моря... Вот уж они поднялись высоко-высоко, а бедный утенок всё смотрел им вслед, и какая-то непонятная тревога охватила его. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже закричал, да так громко и странно, что сам испугался. Он не мог оторвать глаз от этих прекрасных птиц, а когда они совсем скрылись из виду, он нырнул на самое дно, потом выплыл опять и все-таки долго еще не мог опомниться. Утенок не знал, как зовут этих птиц, не знал, куда они летят, но полюбил их. Как не любил до сих пор никого на свете. Красоте их он не завидовал. Ему и в голову не приходило, что он может быть таким же красивым, как они.

Он был рад-радехонек, если бы, хоть утки не отталкивали его от себя. Бедный гадкий утенок!

Зима настала холодная-прехолодная. Утенок должен был плавать по озеру без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью полынья, в которой он плавал, становилась все меньше и меньше. Мороз был такой, что даже лед потрескивал. Утенок без устали работал лапками. Под конец он совсем выбился из сил, растянулся и примерз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин. Он увидел примерзшего ко льду утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и отнес полумертвую птицу домой к жене.

Утенка отогрели.

Дети задумали поиграть с ним, но утенку показалось, что они хотят обидеть его. Он шарахнулся от страха в угол и попал прямо в подойник с молоком. Молоко потекло по полу. Хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утенок заметался по комнате, влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Легко представить, на что он стал похож!

Хозяйка бранила утенка и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь была открыта, – утенок выбежал, растопыбив крылья, кинулся в кусты, прямо на свежевывпавший снег, и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы слишком печально рассказывать про все беды и несчастья гадкого утенка в эту суровую зиму.

Наконец солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами. Зазвенели жаворонки в полях. Вернулась весна!

Утенок выбрался из камышей, где он прятался всю зиму, взмахнул крыльями и полетел. Крылья его теперь были куда крепче прежнего, они зашумели и подняли его над землей. Не успел он опомниться, как долетел уже до большого сада. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом. Ах, как тут было хорошо, как пахло весной!

И вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал этих прекрасных птиц, и его охватила какая-то непонятная грусть.

«Полечу к ним, к этим величавым птицам. Они, наверно, заклюют меня насмерть за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним. Но все равно! Лучше погибнуть от их ударов, чем сносить щипки уток и кур, пинки птичницы да терпеть холод и голод зимою!»

И он опустился на воду и поплыл навстречу прекрасным лебедям, а лебеди, завидев его, замахали крыльями и поплыли прямо к нему.

– Убейте меня! – сказал гадкий утенок и низко опустил голову.

И вдруг в чистой, как зеркало, воде он увидел свое собственное отражение. Он был уже не гадким темно-серым утенком, а красивым белым лебедем!

Теперь утенок был даже рад, что перенес столько горя и бед. Он много вытерпел и поэтому мог лучше оценить свое счастье. А большие лебеди плавали вокруг и гладили его своими клювами.

В это время в сад прибежали дети. Они стали бросать лебедям кусочки хлеба и зерно, а самый младший из них закричал:

– Новый прилетел! Новый прилетел!

И все остальные подхватили:

– Да, новый, новый!

Дети хлопали в ладоши и плясали от радости. Потом они побежали за отцом с матерью и опять стали бросать в воду кусочки хлеба и пирожного.

И дети, и взрослые говорили:

– Новый лебедь лучше всех! Он такой красивый и молодой!

И старые лебеди склонили перед ним головы. А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он вспоминал то время, когда все смеялись над ним и гнали его. Но всё это было позади. Теперь люди говорят, что он самый прекрасный среди прекрасных лебедей. Сирень склоняет к нему в воду душистые ветки, а солнышко ласкает своими теплыми лучами... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

– Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще гадким

утенком!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Жених и невеста

Молодчик-кубарь и барышня-мячик лежали рядом в ящике с игрушками, и кубарь сказал соседке:

– Не пожениться ли нам? Мы ведь лежим в одном ящике. Но мячик – сафьянового происхождения и воображавший о себе не меньше, чем любая барышня, – гордо промолчал.

На другой день пришел мальчик, хозяин игрушек, и выкрасил кубарь в красный с желтым цвет, а в самую серединку вбил медный гвоздик. Вот-то красиво было, когда кубарь завертелся!

– Посмотрите-ка на меня! – сказал он мячику. – Что вы скажете теперь? Не пожениться ли нам? Чем мы не пара? Вы прыгаете, а я танцую. Поискать такой славной парочки!

– Вы думаете? – сказал мячик. – Вы, должно быть, не знаете,

что я веду свое происхождение от сафьяновых туфель и что внутри у меня пробка?

– А я из красного дерева, – сказал кубарь. – И меня выточил сам городской судья!

У него свой собственный токарный станок, и он с таким удовольствием занимался мной!

– Так ли? – усомнился мячик.

– Пусть больше не коснется меня кнутик, если я лгу! – сказал кубарь.

– Вы очень красноречивы, – сказал мячик. – Но я все-таки не могу согласиться. Я уж почти невеста!

Стоит мне взлететь на воздух, как из гнезда высовывается стриж и все спрашивает: «Согласны? Согласны?» Мысленно я всякий раз говорю: «Да», значит дело почти слажено. Но я обещаю вам никогда вас не забывать!

– Вот еще! Очень нужно! – сказал кубарь, и они перестали говорить друг с другом.

На другой день мячик вынули из ящика. Кубарь смотрел, как он, точно птица, взвивался в воздух все выше, выше... и наконец совсем исчезал из глаз, потом опять падал и, коснувшись земли, снова взлетал кверху; потому ли, что его влекло туда, или потому, что внутри у него сидела пробка – неизвестно. В девятый раз мячик взлетел и – поминай как звали! Мальчик искал, искал – нет нигде, да и только!

– Я знаю, где мячик! – вздохнул кубарь. – В стрижином гнезде, замужем за стрижом!

И чем больше думал кубарь о мячике, тем больше влюблялся. Сказать правду, так он потому все сильнее влюблялся, что не мог жениться на своей возлюбленной, подумать только – она предпочла ему другого!

Кубарь плясал и пел, но не переставал думать о мячике, который представлялся ему все прекраснее и прекраснее.

Так прошло много лет; любовь кубаря стала уже старой любовью. Да и сам кубарь был немолод... Раз его взяли и вызолотили. То-то было великолепие! Он весь стал золотой и кружился и жужжал так, что любо! Да уж, нечего сказать! Вдруг он подпрыгнул повыше и – пропал!

Искали, искали, даже в погреб слазили, – нет, нет и нет!

Куда же он попал?

В помойное ведро! Оно стояло как раз под водосточным желобом и было полно разной дряни: обгрызенных кочерыжек, щепок, сора.

– Угодил, нечего сказать! – вздохнул кубарь. – Тут вся позолота разом сойдет! И что за рвань тут вокруг?

И он покосился на длинную обгрызенную кочерыжку и еще на какую-то странную круглую вещь, вроде старого яблока. Но это было не яблоко, а старая барышня-мячик, который застрял когда-то в водосточном желобе, пролежал там много лет, весь промок и наконец упал в ведро.

– Слава богу! Наконец-то хоть кто-нибудь из нашего круга, с кем можно поговорить! – сказал мячик, посмотрев на вызолоченный кубарь. – Я ведь, в сущности, из сафьяна и сшита девичьими ручками, а внутри у меня пробка! А кто это скажет, глядя на меня? Я чуть не вышла замуж за стрижа, да вот попала в водосточный желоб и пролежала там целых пять лет! Это не шутка! Особенно для девицы!

Кубарь молчал; он думал о своей старой возлюбленной и все больше и больше убеждался, что это она.

Пришла служанка, чтобы опорожнить ведро.

– А, вот где наш кубарь! – сказала она.

И кубарь опять попал в комнаты и в честь, а о мячике не было и помину. Сам кубарь никогда больше и не заикался о своей старой любви: любовь как рукой снимет, если предмет ее пролежит пять лет в водосточном желобе, да еще встретится вам в помойном ведре! Тут его и не узнаешь!

Загрузка...